

ПАВЕЛ
СУДОПЛАТОВ
ВИТАЛИЙ ПАВЛОВ
ДЖОН КОСТЕР

ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ

Три версии одной операции советской разведки

ОПЕРАЦИЯ «СНЕГ»

КАК МЫ
СПРОВОЦИРОВАЛИ
ПЕРЛ-ХАРБОР

Операция «Снег» открывает совершенно новое окно в роли России в подстрекательстве Японии к нападению на Перл-Харбор для защиты восточного фронта первой.

*Эдвард Х. Бонекемпер III,
историк*

Искусство разведки

Павел Судоплатов

**Операция «Снег». Как мы
спровоцировали Перл-Харбор**

«Алисторус»

2024

УДК 355.01
ББК 68

Судоплатов П. А.

Операция «Снег». Как мы спровоцировали Перл-Харбор /
П. А. Судоплатов — «Алисторус», 2024 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00222-342-8

В 1941 году советская внешняя разведка, благодаря операции «Снег», спровоцировала правительство США совершить ряд действий радикально ухудшивших отношения Вашингтона и Токио. В итоге в декабре 1941 года Японии вероломно напала на США. Угроза, что СССР одновременно придется сражаться с Германией и Японией, была нейтрализована. Взгляд на события 1941 года с разных ракурсов. Непосредственных участников операции «Снег». Сотрудника и зам. начальника советской внешней разведки: Виталия Павлова и Павла Судоплатова. Группы японских историков. Американского историка Джона Костера — автора книги «Операция «Снег»: как советский «крот» в Белом Доме Рузвельта спровоцировал Перл-Харбор». В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 355.01

ББК 68

ISBN 978-5-00222-342-8

© Судоплатов П. А., 2024

© Алисторус, 2024

Содержание

Вступление	5
Павлов Виталий Григорьевич	6
Глава 1. Я открываю Америку	6
Костер Джон	30
Глава 5. Майский меморандум	30
Глава 6. Военный план «Оранжевый»	38
Глава 8. Последний отсчет	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Судоплатов Павел Анатольевич, Павлов Виталий Григорьевич, Джон Костер

Операция «Снег»

Как мы спровоцировали Перл-Харбор

Вступление

Операция «Снег» – операция советской разведки в начале 1940-х годов, направленная на ликвидацию военной угрозы Советскому Союзу со стороны Японии. Целью операции было склонить Соединённые Штаты Америки к определённым действиям, которые должны отвлечь Японию от её экспансионистских шагов в отношении Советского Союза.

Операция «Снег» проходила в строжайшей секретности. По словам Виталия Павлова, основного участника операции, о ней знали только он, начальника внешней разведки НКВД Павел Фитин, Исхак Ахмеров¹ и Л. П. Берия. Было ли доложено об этой операции И. В. Сталину – неизвестно. Как вспоминает Виталий Павлов:

«Нарком вызвал меня в октябре 1940 г. Разговор с ним был предельно кратким. Он спросил, понимаю ли я всю серьёзность предлагаемой операции? Детали его не интересовали, их не обсуждали. – Сейчас же, – строго наказал Берия, – готовь всё необходимое и храни всё, что связано с операцией, в полнейшей тайне. После операции ты, Ахмеров и Павел Михайлович должны забыть всё и навсегда. Никаких следов её ни в каких делах не должно остаться».

Суть операции сводилась к следующему: перед самой войной Исхак Ахмеров, будучи резидентом нелегальной разведки в США, через своего агента познакомился с очень влиятельным работником министерства финансов США Гарри Декстером Уайтом. Как выяснилось, Уайт обладал определённым влиянием на министра финансов США. По своим взглядам Уайт был антифашистом. Идея, которую высказал Ахмеров, заключалась в том, чтобы посредством Уайта повлиять на позицию правительства США и, в конечном итоге, на позицию президента Соединённых Штатов Америки относительно захватнических планов Японии. Ахмерова Уайт знал как Билла, учёного-синолога (Ахмеров действительно учился в Пекине в колледже для иностранцев в 1934—35 годах, что служило ему прекрасным прикрытием для нелегальной работы в Китае). Было решено, что Павлов встретится с Уайтом и, представившись коллегой Билла, изложит ему тезисно идеи (исходящие от Билла как специалиста по Дальнему Востоку), касающиеся угроз со стороны Японии.

В апреле 1941 года Виталий Павлов и Михаил Корнеев (страховал Виталия Павлова) выехали в Соединённые Штаты Америки под видом дипкурьеров. В мае встреча Виталия Павлова и Уайта состоялась в одном из ресторанов Вашингтона. Во время беседы Виталий Павлов изложил Уайту мысли относительно положения на Дальнем Востоке. В ответ Уайт заметил, что и сам размышлял над этими же проблемами и, получив информацию от специалиста по данному региону, сможет предпринять определённые усилия в данном направлении.

США потребовали от Японии немедленно прекратить агрессию в Китае, а также нейтрализовать Маньчжоу-го. Таким образом, с точки зрения некоторых американских историков и в соответствии с воспоминаниями Виталия Павлова, операция советской разведки в конечном итоге привела к нападению Японии на Пёрл-Харбор.

¹ С 1935 года по 1939 год – резидент нелегальной резидентуры в США

Павлов Виталий Григорьевич **Операция «Снег»²**

Глава 1. Я открываю Америку

Немало пришлось мне поломать голову над тем, с чего начать летопись моей полувековой службы во внешней разведке. Можно было, конечно, использовать рутинный метод – излагать свою карьеру в строгой хронологической последовательности. Детство, отрочество, юность... Затем путь в разведку... Этапы служебной деятельности... Уход на заслуженный отдых. Но кому все это нужно? Вряд ли детальное описание моей жизни заинтересует современного читателя. Нужно быть талантливым писателем, таким как, скажем, Лев Толстой или Максим Горький, автобиографические произведения которых захватывают людей.

В моем случае книгоцеев можно заинтересовать не столько скромной персоной автора, сколько разведывательными операциями, в которых он участвовал или к которым имел отношение, технологией разведывательного дела, конкретными политическими результатами оперативных акций.

Приняв такое решение, я еще порядочное время колебался: о чем рассказать для зачина? В памяти столько интересных случаев...

В конце концов, остановился на эпизоде из моей ранней практики в 1940–1941 годах. Мне он показался не только не заезженным – никто никогда не упоминал о нем в открытой печати, – но и очень важным с политической точки зрения, и стратегически значимым. То, что произошло, несомненно, оказало влияние на успех зимнего контрнаступления Красной Армии под Москвой в 1941–1942 годах и способствовало первому крупному поражению гитлеровцев в их походе на Восток.

Я уж не говорю о том, что тогдашние события оказали большое влияние на мое становление как разведчика. Это была ответственная операция, в ходе которой мне поручили провести встречу по всем правилам конспирации не с нашим агентом, а с крупным американским чиновником, не имевшим прямого отношения к секретной службе Кремля и не подозревавшим, что он имеет дело с одним из ее сотрудников. Правда, от этого важность и ответственность контакта не уменьшались, а возрастали. И риск был большой, если учитывать мой малый разведывательный опыт.

Но все по порядку.

В конце 1938 года, после шестимесячного обучения в Центральной школе НКВД и Школе особого назначения Главного управления государственной безопасности того же наркомата, меня направили на работу в 7-й (разведывательный) отдел этого главка (в июле 1939 года он был преобразован в 5-й отдел, но все по старинке и 5-й, и 7-й отделы продолжали называть ИНО – Иностранным отделом, который возник в рамках ВЧК еще в декабре 1920 года; отсюда до сих пор ведет отсчет своего существования внешняя разведка Российской Федерации, от метившая в 1995 году свое 75-летие)³.

Начал я свою деятельность в качестве стажера, получавшего на практике первые навыки оперативного ремесла. Затем несколько месяцев проработал оперативным уполномоченным – это была вторая, начиная снизу, должность в иерархической лестнице наркомата. Далее меня, что я совершенно не ожидал, быстро продвинули по службе, поставив на первую руководящую

² Фрагмент книги Павлов В. Г. Операция «Снег»: Полвека во внеш. разведке КГБ – М., 1996.

³ Книга «Операция «Снег»» была написана в 1995 году – прим. ред.

ступень: я стал заместителем начальника американского отделения, которое занималось разведывательной деятельностью в США, Канаде и Латинской Америке.

Честно признаться, мне была не по плечу эта ноша. Ведь я только начал вникать в разведывательное ремесло, заграничной практики у меня не было. Но в то время внешняя разведка испытывала катастрофически острую нужду в кадрах. «Чистки» центрального аппарата НКВД, особенно его зарубежных структур, проводившиеся в 1937–1939 годах наркомом Ежовым и Берией, привели к тому, что в ИНО из примерно 100 сотрудников осталось всего десятка два. Некоторые направления работы были совершенно оголены.

В этом я сам убедился, когда стал стажером.

– Вот ваш участок, – сказал мне начальник, которому я представился после назначения. – В шкафах документы, разбирайтесь и работайте.

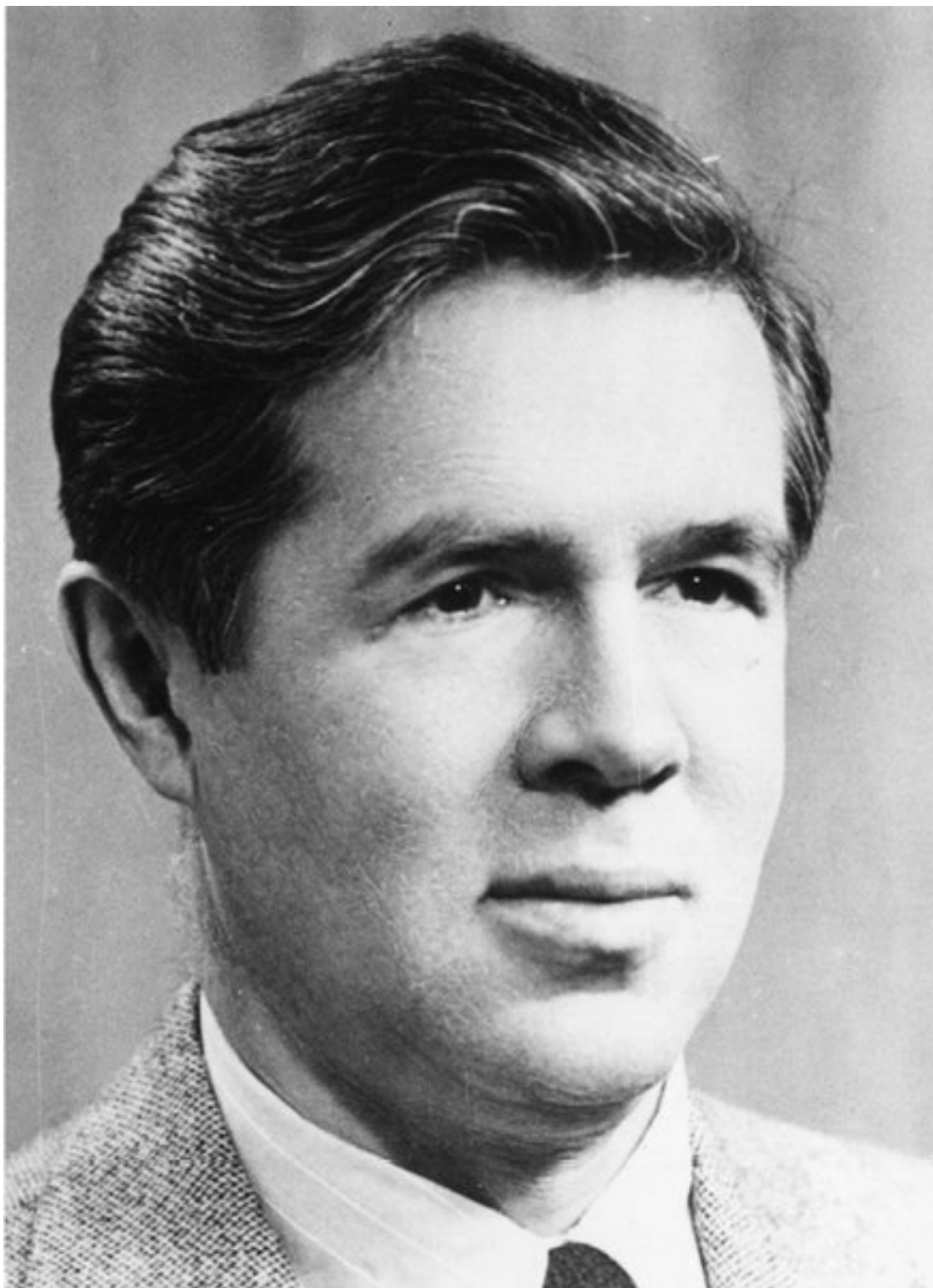
В комнате, вдоль стен которой выстроились деревянные шкафы с секретными документами, стояло несколько пустых столов – и ни одной живой души. Я стал знакомиться со своим хозяйством и увидел на полках папки, из которых вываливались бумаги. Это были копии отправленных руководителям нашего государства «спецсообщений». Не успел я осмотреться, как ко мне зашел шифровальщик с телеграммами из резидентур. На многих резолюции руководства: «В спецсообщение». Не оставалось ничего другого, как, взяв за образец несколько копий отправленных документов, приняться составлять новые. Так началась моя практика. Продлилась она недолго: вскоре, как я уже упоминал, на меня возложили более ответственные обязанности...

По сегодняшним меркам, отделение – это низшая ступень в структуре аппарата разведки. Но тогда более крупных подразделений – секторов, отделов – не было. Поэтому отделения замыкались прямо на руководство внешней разведки, которая имела статус отдела в главке государственной безопасности наркомата внутренних дел. Наше, американское, отделение руководило разведывательными действиями на всей территории Северной и Южной Америки по всем направлениям: политическому, научно-техническому, контрразведывательному, нелегальному. Нам подчинялись легальные резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке, нелегальные – одна в столице США, другая в Буэнос-Айресе – и нелегальная агентурная группа в Нью-Йорке. В нашем распоряжении были средства, как в рублях, так и в валюте. Последнее особенно показательно, поскольку в послевоенное время расходовать валютные средства разрешалось только с санкции руководства разведки.

Больше всего и я, как непосредственный куратор, и руководители отдела и главка были довольны результатами работы нелегальной резидентуры в Вашингтоне, которую возглавлял выдающийся разведчик Исхак Абдулович Ахмеров. В самом конце 1939 года он был, к сожалению, отозван в Центр вместе со своим заместителем Норманом Михайловичем Бородиным, очень способным нелегалом. Эту точку пришлось, выражаясь на жаргоне разведслужб, законсервировать, то есть свернуть ее деятельность. С агентами связь была прекращена, поступление информации прекратилось. А с Ахмеровым и Бородиным новый нарком Берия и его камарилья, впрочем как и со многими другими сотрудниками легальных и нелегальных резидентур, решили «разобраться». Их подвергли унижительным и жестоким допросам, после чего одних расстреляли, других отправили в тюрьмы и концлагеря, третьих вышвырнули на улицу. Повезло немногим. Ахмеров оказался среди них. Его отправили в американское отделение на самую низшую должность. Здесь он должен был доказать свою лояльность сталинскому режиму.

Хочу более подробно рассказать об этом выдающемся разведчике. В начале 1940 года, когда состоялось наше очное знакомство, передо мною предстал сорокалетний худощавый, подтянутый мужчина в строгом, безупречно выглаженном костюме. По своему внешнему виду он напоминал дипломата. С этим об разом хорошо гармонировал негромкий спокойный голос

и размеренная, чуть запинаящаяся, но абсолютно правильная речь, что на русском, что на английском языках. По-английски он говорил, кстати, с явным американским акцентом.

Исхак Абдулович Ахмеров

Ахмеров по национальности татарин. Родился в бедной крестьянской семье. Отец умер, когда Исхаку было несколько месяцев. Мать вместе с маленьким сыном поселилась у своего отца, занимавшегося скорняжным промыслом. В 1912 году дед скончался, и Исхаку, не окон-

чившему даже начальной школы, пришлось идти, как тогда говорили, «в люди». Он стал мальчиком на побегушках, потом подмастерьем у скорняка.

В Советской России смысленный парень получил возможность учиться. В 1921 году его направили в Коммунистический университет народов Востока. Через год он перешел в Первый государственный университет (сейчас это МГУ) на факультет международных отношений. Учился Исхак легко, особенно давались ему иностранные языки. Но жизнь была тяжелой, приходилось тратить немало времени и сил, чтобы заработать: скудной стипендии не хватало.

По окончании университета Ахмерова послали в Народный комиссариат иностранных дел. После недолгой подготовки его командировали в Бухарскую народную советскую республику в качестве дипломатического агента. Через год он был уже секретарем генерального консульства СССР в Стамбуле, потом в Трапезунде (Трабзоне). К этому времени молодой дипломат уже свободно владел турецким языком.

В 1930 году Ахмерова приняли на работу в органы государственной безопасности. Вскоре его перевели в Иностранный отдел ОГПУ.

В начале 1934 года Исхака Абдуловича отправили на нелегальную работу в Китай. Под видом турецкого студента он поступил в американский колледж для иностранцев в Пекине. Это оказалось для него удачным прикрытием, его разведывательные дела продвигались успешно.

В 1935 году Центр принял решение перевести Ахмерова в США. Руководитель действовавшей там нелегальной резидентуры Дэвис погиб при невыясненных обстоятельствах. Его преемником стал нелегал Базаров. Ахмеров был у него заместителем, а в 1937 году с отъездом Базарова в Москву возглавил резидентуру. Через год Исхаку Абдуловичу удалось создать эффективно действующий нелегальный аппарат, в который входили десять ценных агентов, занимавших должности высокой разведывательной значимости в таких ведомствах, как государственный департамент, министерство финансов, аппарат Белого дома. От них поступала и направлялась в Центр важная информация о планах и намерениях руководящих кругов Соединенных Штатов в отношении Советского Союза, европейских государств и, что вызывало особенно большой интерес, стран «оси» – Германии, Японии и Италии⁴.

Тут я должен упомянуть еще об одном нашем замечательном разведчике – Нормане Михайловиче Бородине. Он не принимал непосредственного участия в операции «Снег», но в предвоенные годы сделал много, чтобы создать объективные условия для ее проведения.

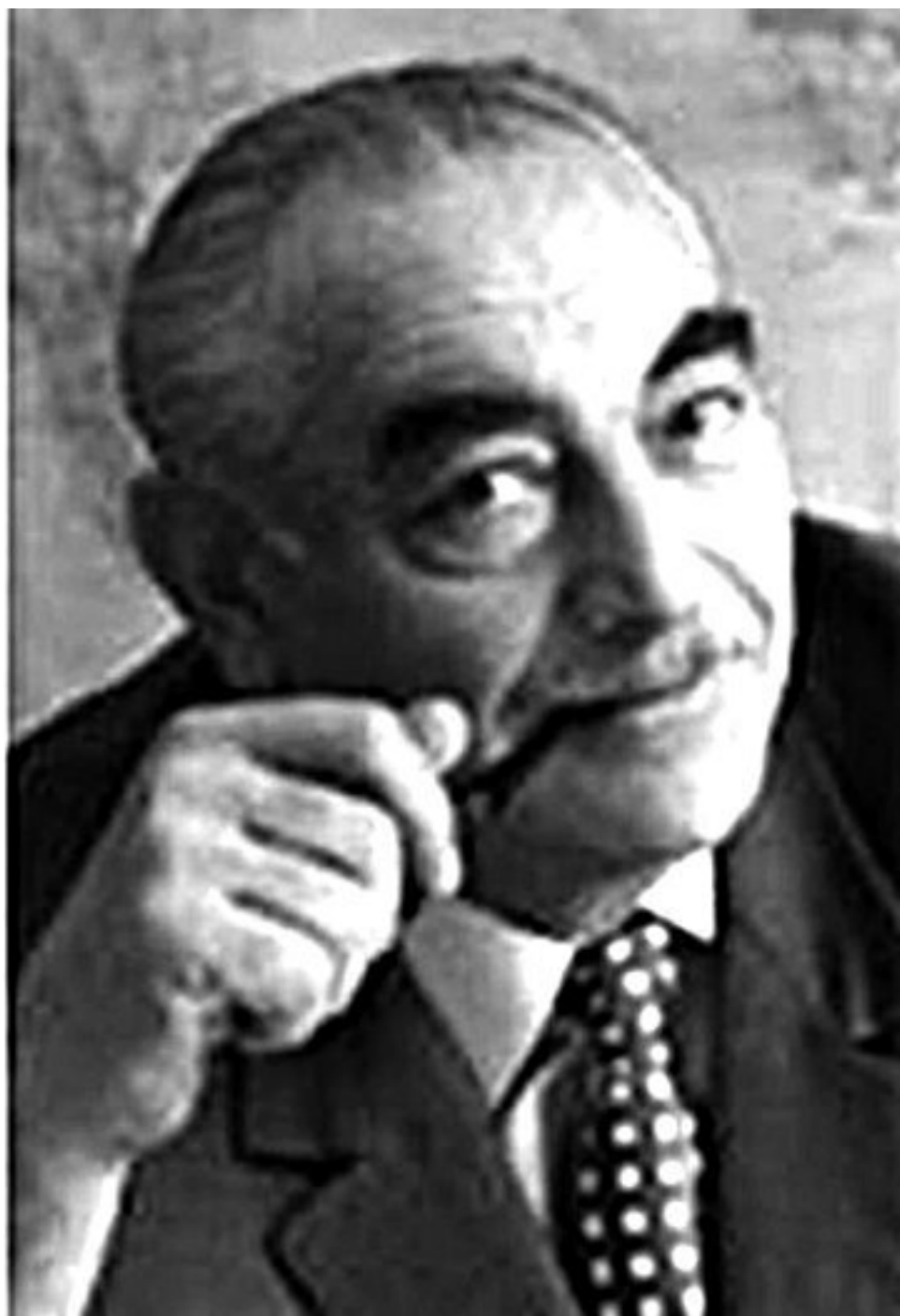
Бородин в 1937 году стал заместителем Ахмерова. Инициативный оперативный сотрудник, Норман Михайлович руководил тремя ценными агентами. Когда по приказу Берии его отозвали из-за рубежа, он был еще молодым человеком: ему не исполнилось и 30 лет. Но Бородин уже успел приобрести значительный опыт нелегальной работы в Норвегии, где в 1931 году ступил на трудную стезю разведчика-профессионала, и в Германии. Когда там к власти пришли нацисты, его, еврея по национальности, перевели в нелегальную резидентуру в Париже.

В 1934 году Бородин вернулся в Советский Союз. Ему разрешили продолжить учебу в Военно-химической академии Красной Армии. Через два года его вновь зачислили в кадры внешней разведки и направили в США. Здесь он стал студентом радиотехнического института. Это прикрытия обеспечило ему хорошие возможности для занятий разведывательной деятельностью.

Я познакомился с Норманом Михайловичем после его отъезда из США. Это было в начале 1940 года. Он произвел очень приятное впечатление: неизменно выдержанный, тактичный,

⁴ Имеется в виду ось Берлин – Рим – внешнеполитический блок между Германией и Италией, оформленный 25 октября 1936 года. Продолжением этого соглашения явился подписанный 25 ноября 1936 года Германией и Японией Антикоминтерновский пакт, к которому 6 ноября 1937 года присоединилась Италия. Пакт официально оформил складывавшийся в середине тридцатых годов блок агрессоров, через три года превращенный в открытый военный союз между Германией, Италией и Японией – прим. авт.

с большим чувством юмора, легкий в общении человек. Его отличали высокая эрудиция и прекрасное знание обстановки за океаном. К сожалению, по решению руководства наркомата внутренних дел Бородин был отчислен из внешней разведки, куда вернулся лишь после начала Великой Отечественной войны, но не на наш участок. Так по недомыслию, если не по злой воле, тогдашнего начальства мы лишились перспективного, хорошо подготовленного профессионала. Это чувствительно сказалось на работе воссозданной летом 1941 года нелегальной резидентуры в Вашингтоне, где Ахмерову пришлось в одиночку взвалить на себя непомерную нагрузку после восстановления связи с агентурой.

Норман Михайлович Бородин

Нужно отметить, что большую помощь в оперативных делах Исааку Абдуловичу оказывала его жена, Елена Ивановна. Случилось так, что во время первой командировки в США Ахмеров привлек в качестве содержательницы конспиративной квартиры американку Хелен Лоури, племянницу тогдашнего лидера компартии Эрла Браудера. Она оказалась очень способной ученицей, и вскоре наряду с техническими функциями резидент стал поручать ей выполнение оперативных заданий.

Хелен оказалась великолепным связником. Но жизнь есть жизнь, и учитель влюбился в свою ученицу и обратился в Центр с просьбой разрешить ему вступить в брак с нею. Помню, проблема для нас в американском отделении оказалась чрезвычайно сложной. Для тех времен это был из ряда вон выходящий случай. Нам пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы советскому разведчику-нелегалу позволили скрепить себя брачными узами с иностранкой. Высокие оценки разведывательной деятельности Ахмерова, исключительная ценность добываемой под его руководством информации и тот факт, что Хелен была родственницей коммуниста № 1 Америки, – все это помогло положительно решить просьбу нашего вашингтонского резидента. В конце 1939 года он вернулся в Москву с молодой женой, которая стала его верной подругой и преданной помощницей на всю жизнь.

Я уже писал, что в середине 1939 года в американское отделение поступило указание наркома Берии отозвать в Москву весь личный состав резидентуры Ахмерова. Этот приказ явился для нас неожиданным и тяжелым ударом, так как подрывал нашу основную информационную базу в США.

Хотя вторая мировая война еще не началась, все указывало на то, что она разразится в ближайшее время. Растущая агрессивность фашистской Германии требовала от внешней разведки резко активизировать получение секретной информации о планах Гитлера, а мы в этот момент сами перекрывали доступ к наиболее важным и перспективным источникам. Хуже не придумаешь!

Здесь уместно отметить, что костяк нашей ценной агентуры в Соединенных Штатах состоял из убежденных антифашистов, которые видели в сотрудничестве с советской разведкой наиболее эффективный путь борьбы с коричневой опасностью. Как и широко известная ныне группа наших агентов в Великобритании (так называемая «кембриджская пятерка») под руководством выдающегося советского разведчика Кима Филби, которая начала сотрудничать с внешней разведкой Кремля в тридцатых годах после прихода к власти нацистов в Германии, так и в США ряд молодых антифашистов почти одновременно с английскими братьями по оружию избрали ту же дорогу. Они сочли, что в условиях сильного влияния прогитлеровских сил за океаном им будет трудно выступать с открытым забралом.

Надо также подчеркнуть, что все эти люди, давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, как правило, выдвигали обязательное условие: не делать ничего такого, что могло нанести ущерб интересам или безопасности их родины. Могу подтвердить, что многие наши активные помощники-американцы после победы над фашистской Германией и милитаристской Японией сразу прекратили контакт с нами. И мы не удерживали этих честных патриотов. Кстати, некоторые из них – это были наиболее убежденные борцы с реакцией – с началом «холодной войны» по собственной инициативе возобновили связь с нами. Среди агентов Ахмерова не оказалось таких, кто захотел бы прервать сотрудничество с советской разведкой. Сказалось сильное влияние резидента, как личности. Он всегда относился к своим помощникам с глубоким уважением, ничем не ущемлял их человеческого достоинства и чувства патриотизма. И если связь кое с кем из них была прекращена, то случилось это, главным образом, из-за предательства одного агента в конце 1945 года.

Вернемся, однако, в 1939 год. Тогда мы, в американском отделении 5-го отдела ГУГБ, ломали голову над тем, как уменьшить ущерб от вынужденной консервации агентов Ахмерова из-за его предстоящего отзыва в Москву. Решили наиболее ценных помощников не передавать

на связь легальной резидентуре, чтобы уменьшить возможный риск их расшифровки в дальнейшем. Мы вывели на время их из игры, разработав условия возобновления контакта с ними, когда нелегальная резидентура возобновит свою деятельность.

Честно говоря, я и мои коллеги по отделению надеялись вернуть Ахмерова за океан самое большое через пять месяцев. Но наши расчеты не оправдались. Во-первых, в сентябре началась вторая мировая война, которая спутала наши карты. А во-вторых, мы не учли – да просто не могли учесть – политические игры, которые затеял нарком внутренних дел Берия. В них, этих играх, многим заслуженным ветеранам нашей разведки, профессионалам с большим опытом была уготована трагическая судьба.

В один из январских дней 1940 года начальник внешней разведки Павел Михайлович Фитин приказал всем руководителям отделений прибыть в кабинет наркома на совещание. Мой непосредственный шеф отсутствовал, и мне, как лицу его замещавшему, пришлось предстать перед очами грозного хозяина Лубянки. К назначенному сроку в приемной собрались начальники отделений, почти все сплошь молодые люди. Естественно, они гадали, о чем будет говорить нарком.

Среди «необстрелянной» молодежи, волею судьбы попавшей в верхи разведки, выделялась группа примерно из полутора десятков сотрудников более старшего возраста. Они вели себя сдержанно, не переговаривались, не крутили во все стороны головами. Кое-кого из них мы знали, например, Сергея Михайловича Шпигельгласа, заместителя начальника Иностранного отдела, который читал нам лекции в разведывательной школе.

Павел Михайлович Фитин

Наконец нас пригласили в кабинет наркома. Это было большое, отделанное красным деревом помещение, вдоль стен которого стояли мягкие кожаные кресла. На возвышении располагался огромный письменный стол на резных ножках, покрытый синим сукном. Мы расселись в креслах, а товарищи постарше, с Шпигельгласом во главе, заняли стулья прямо перед подиумом.

Вдруг позади стола бесшумно открылась небольшая дверь, которую я принял было за дверцу стенного шкафа, и вышел человек в пенсне, знакомый нам по портретам. Это был Берия. Его сопровождал помощник с папкой в руках. Не поздоровавшись, нарком сразу при-

ступил к делу. Взяв у помощника список, он стал называть по очереди фамилии сотрудников, которые сидели перед ним. Слова его раздавались в гробовой тишине громко и отчетливо, как щелчки бича.

– Зарубин!

Один из сидевших перед столом встал и принял стойку «смирно».

– Расскажи, – продолжал чеканить нарком, – как тебя завербовала немецкая разведка? Как ты предавал Родину?

Волнуясь, но тем не менее твердо и искренне один из самых опытных нелегалов дал ответ, смысл которого состоял в том, что никто его не вербовал, что он никого и ничего не предавал, а честно выполнял задания руководства. На это прозвучало угрожающе равнодушное:

– Садись! Разберемся в твоём деле.

Затем были названы фамилии Короткова, Журавлева, Ахмерова и других старослужащих разведки, отозванных с зарубежных постов. Унизительный допрос продолжался в том же духе с незначительными вариациями. Мы слышали, что среди сидевших в кабинете были английские, американские, французские, немецкие, японские, итальянские, польские и еще Бог знает какие шпионы. Но все подвергнувшиеся словесной пытке, следуя примеру Василия Михайловича Зарубина, держались стойко. Уверенно, с чувством глубокой внутренней правоты отвечал Александр Михайлович Коротков, под руководством которого я прослужил в дальнейшем несколько лет в нелегальном управлении. Спокойно, с большим достоинством вел себя Исхак Абдулович Ахмеров и другие наши старшие коллеги.

Совещание, если его можно так назвать, – оно было похоже на экзекуцию – закончилось внезапно, как и началось. Дойдя до конца списка и пообещав опрошенным «скорую разборку», Берия встал и, опять не говоря ни слова, исчез за дверью. Его помощник предложил нам разойтись.

Никаких дополнительных разъяснений к увиденному и услышанному не последовало. Мы были ошеломлены. Просто не верилось, что все это произошло наяву. Для чего было разыграно это действо? Почему Берия решил подвергнуть опытных разведчиков такой «публичной казни»? Для их устрашения?

Мы терялись в догадках, но в конце концов склонились к тому, что эта демонстрация была задумана, чтобы преподать урок нам, молодым: будьте, мол, послушным инструментом в руках руководства НКВД и не думайте, что пребывание за границей укроет кого-либо от недреманного ока Центра.

Через несколько дней после совещания у наркома меня вызвал к себе мой непосредственный руководитель, начальник американского отделения Будков. У него я, к немалому удивлению, увидел трех человек, которых Берия подверг унизительному публичному допросу. Это были Василий Михайлович Зарубин, Исхак Абдулович Ахмеров и Михаил Васильевич Григорьев. Будков объявил, что они направлены в наше отделение стажерами. Еще более удивился я, когда услышал, что работать с ними поручено мне.

Можно представить мое положение! Я, двадцатипятилетний молодой человек, никогда за кордоном не бывавший и еще не видевший, так сказать, живого агента, должен был руководить тремя опытнейшими разведчиками-нелегалами с большим стажем работы.

Но приказ есть приказ. Я попросил всех троих пройти ко мне, чтобы обсудить создавшееся положение. У меня хватило ума, чтобы сообразить: никакой я для них не руководитель. Так честно им и признался. Конечно, для видимости надо будет соблюдать субординацию: на Лубянке было немало глаз и ушей, и кто-нибудь обязательно сообщил бы начальству, если бы я не выполнил указания. Но на самом деле я не собираюсь руководить ими, а хочу набраться у них разведывательного ума-разума.

Поскольку наше отделение отвечало за организацию разведки на американском континенте, опыт Зарубина и Ахмерова был как нельзя кстати. Я попросил Исхака Абдуловича опе-

кать меня в том, что касалось агентурно-оперативной обстановки в США, нравов и обычаев населения, условий для разведывательной работы. И конечно же, оказывать мне помощь в овладении английским языком. А Василий Михайлович взялся натаскать меня в решении оперативных вопросов. В заключение я сказал, что прекрасно понимаю: научить правилам игры можно, но нельзя гарантировать, что я всякий раз буду обязательно выигрывать. Поэтому хочу с их помощью глубже овладеть основами разведывательного дела, а дальше все зависит от меня самого.

Зарубин и Ахмеров согласились со мной. Как я понял, им пришлось по душе моя трактовка сути их «стажировки», которая была не особенно приятным отрезком карьеры этих мастеров разведывательного дела. Что касается Григорьева, то, поскольку он работал в нелегальных условиях во Франции, «стажироваться» ему пришлось у другого работника.

Твердо убежден: мне крупно повезло, что повстречался с этими замечательными людьми – В.М.Зарубиным и И.А.Ахмеровым. Наши разведывательные тропы впоследствии неоднократно пересекались.

Пока же Зарубин активно действовал в нашем отделении, выполняя важные оперативные задания как внутри Советского Союза, так и за кордоном, куда он выезжал в краткосрочные командировки. В Москве, например, он привлек к работе на советскую разведку одного латиноамериканского дипломата. А в начале 1941 года посетил Китай, где восстановил связь с нашим ценным агентом из Германии, который в то время был военным советником у главы Китайской республики Чан Кай ши. Вскоре после возвращения с Дальнего Востока Василия Михайловича направили в США. Он возглавил там нашу легальную резидентуру.

Зарубин при первом же знакомстве поразил меня своей энергией и открытостью. Это был крепко сколоченный сорокапятилетний мужчина, чем-то напоминавший джеклондонского морского волка, которого никакой шторм не в силах сбить с ног. Рыжеватые волосы на крупной голове не отличались пышностью. Светлые серо-голубые глаза, казалось, постоянно чему-то улыбались. Весь его облик дышал силой и уверенностью. Мускулистые руки и увесистые кулаки вызывали уважение.

Самым удивительным было то, что Василий Михайлович не только не имел высшего образования, но так уж сложилась его жизнь, что и среднюю школу не мог окончить. Видимо, поэтому он постоянно занимался самообразованием и стал глубоко эрудированным человеком. В 1940 году, когда мы познакомились, Зарубин в совершенстве владел немецким, французским и английским языками, свободно говорил по-чешски, объехал большинство европейских стран и побывал в США. Он поражал своими разносторонними знаниями. Все это помогало ему успешно решать трудные разведывательные задачи с нелегальных позиций.

Зарубин родился в 1894 году в семье железнодорожного рабочего. В четырнадцать лет начал трудовую жизнь: его от дали в мальчики на торговую фирму. Затем он был рабочим, конторщиком. Все это до начала первой мировой войны. С 1914 по 1917 год служил рядовым в царской армии, был на фронте. За антивоенную агитацию попал в штрафную роту. В марте 1917 года получил ранение. По излечении его избрали в полковой комитет солдатских депутатов. С 1918 по 1920 год служил в Красной Армии. Затем его направили в органы ВЧК.

С 1925 года Зарубин во внешней разведке. После недолгой подготовки впервые выехал за границу по легальной линии – Китай, Финляндия. Скоро началась его служба в нелегальной разведке – резидент в Дании, Германии, Франции.

В 1934 году Зарубина вновь направляют в Германию. Он успешно руководит нелегальной резидентурой, приобретает ряд ценных агентов. Направляемая им в Центр информация о планах и намерениях Гитлера получает высокую оценку.

Через три года Василия Михайловича отзывают в Москву для работы в центральном аппарате разведки. Он благополучно пережил бериевскую чистку. Осенью 1941 года его послали легальным резидентом в Соединенные Штаты.

За океаном Василий Михайлович находился до 1944 года. Руководимая им резидентура добилась высоких результатов и внесла весомый вклад в дело укрепления экономической и военной мощи нашей страны. Получаемая из правительственных и научных кругов США информация весьма положительно оценивалась Центром и регулярно докладывалась советским руководителям.

За достигнутые успехи Зарубин получил звание генерал-майора – такое в те времена в нашей службе встречалось очень редко. По возвращении на Родину он был назначен заместителем начальника внешней разведки. На этой должности Василий Михайлович проработал до 1948 года и вышел в запас по состоянию здоровья. В 1972 году он скончался.

Повсюду надежной помощницей Зарубина была его супруга, Елизавета Юльевна, с которой мне тоже довелось познакомиться. Живая, с выразительным лицом, жгучая брюнетка, она на шесть лет была моложе Василия Михайловича. К моменту знакомства с ним в Париже – это случилось в 1929 году – Елизавета Юльевна, дипломированный филолог, владела, кроме родного румынского языка (она родилась и выросла в Северной Буковине, входившей в состав Австро-Венгрии, а после первой мировой войны в Румынию), французским, немецким, английским и русским.

В апреле 1941 года по заданию Центра выезжала в Германию для восстановления связи с женой крупного немецкого дипломата, завербованной органами госбезопасности в Москве. Выдавая себя за немку, Елизавета Юльевна провела две встречи с этой женщиной и добилась ее согласия на продолжение сотрудничества. От этого источника в дальнейшем шла важная информация гитлеровской империи.

Затем Зарубиной было поручено восстановить связь с нашим агентом, шифровальщиком в германском министерстве иностранных дел.

В Соединенных Штатах, где Елизавета Юльевна находилась вместе с мужем в 1941–1944 годах, она поддерживала связь с двумя десятками агентов, среди которых было несколько ценных источников. После командировки работала в центральном аппарате разведки. В 1946 году была уволена в запас. Скончалась она в 1987 году.

Сразу после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз партийное и государственное руководство нашей страны приняло решение резко усилить деятельность внешней разведки и не только в самой нацистской империи и оккупированных ею странах и территориях, но и в других государствах, где можно было получить важную информацию о дальнейших планах Берлина. Речь шла в первую очередь о Великобритании и Соединенных Штатах.

Мы предложили как можно быстрее ввести в действие законсервированную нелегальную резидентуру в Вашингтоне и срочно возвратить туда Ахмерова. Теперь руководство внешней разведки и наркомата госбезопасности (уже в июле это ведомство опять вошло в наркомат внутренних дел) не колебалось ни минуты. Кандидатура Ахмерова (теперь он получил кодовое имя Рид) была немедленно утверждена. Как и план его ввода за океан.

Рид должен был по изготовленному для него канадскому паспорту поселиться вместе с женой (кодовое имя Вера) в московской гостинице «Националь». Они выдадут себя за иностранных туристов, которых война застала в СССР. Рид обратится в посольство США за транзитной визой, чтобы добраться до Канады. По прибытии в Нью-Йорк он перейдет на свои старые, прочно легализированные документы, а Вера, урожденная американка, использует свои подлинные бумаги. Маршрут их следования проходил через Китай, Сингапур, а оттуда в Соединенные Штаты на пароходе или самолетом, в зависимости от обстановки.

Мы разработали условия связи с Ридом на время следования за океан и на первоначальный период работы на американской земле. Самым тщательным образом обсудили все агентурные возможности, сохранившиеся после отъезда Рида из Нового Света в 1939 году, и наметили тех агентов, кого нужно в первую очередь расконсервировать и начать активно использовать для получения актуальной разведывательной информации.

Подготовка проходила, как говорится, без сучка и задоринки. Но вдруг возникла неприятная неожиданность, которая поставила под угрозу срыва весь план.

В прекрасное августовское утро Рид собрался в американское посольство по поводу транзитных виз. Он уже спустился по центральной лестнице роскошной гостиницы «Националь», как у выхода на улицу навстречу ему бросился новый постоялец, который радостно окликнул его по турецкому имени. Рид узнал в нем однокашника по американскому колледжу в Пекине. Отпираться было бессмысленно. Мгновенно оценив создавшуюся обстановку и убедившись, что никто из находившихся поблизости не обратил внимания на их встречу, Рид крепко пожал руку своему старому знакомому, выразил радость по сему случаю, но одновременно и сожаление, что не сможет обстоятельно побеседовать с ним, так как срочно улетает и спешит в аэропорт. Эту сцену наш опытный нелегал разыграл настолько естественно, что у однокашника не возникло никаких сомнений. Они дружески расстались, после чего Рид сразу связался с нами.

Мы немедленно перевели чету нелегалов из гостиницы в другое место и установили наблюдение за знакомым из Пекина, чтобы исключить возможность новой случайной встречи. План их выезда в США решили не менять.

Рид отправился в американское посольство и к вечеру сообщил: визы получил и заказал билеты. Через неделю мы тепло распрощались с Ахмеровыми.

Можно много рассказывать об активной разведывательной деятельности Рида во время второй командировки в Соединенные Штаты. Длилась она без малого пять лет – до конца 1945 года. Вместе с Верой Рид сделал весомый вклад в информирование нашего правительства о политике нацистской Германии, военных планах Гитлера, экономическом положении и стратегических ресурсах фашистского военно-политического блока, деятельности гитлеровских спецслужб, включая разоблачение внедренных в советские учреждения немецких агентов, ставших известными американской разведке, которая не спешила сообщить о них своим союзникам в Москве. От Рида шла и подробная информация, освещавшая замыслы и действия реакционных кругов в Соединенных Штатах против упрочения антигитлеровской коалиции. За время пребывания на американской земле он переслал нам около двух с половиной тысяч фотопленок с заснятыми документами. Одно лишь это свидетельствует об огромных масштабах его разведывательной деятельности.

Правда, поначалу нам пришлось изрядно поволноваться. И в Нью-Йорке у Рида произошла случайная встреча, которая чуть было не поставила его на грань провала...

Отправив наших нелегалов из Москвы в августе, мы рассчитывали получить известие об их прибытии на место назначения в конце сентября-начале октября. Однако Рид молчал. Лишь в первых числах ноября из нью-йоркской легальной резидентуры поступило сообщение о благополучном приезде нелегалов и их переходе на американские документы.

Но нас проинформировали и об одном неприятном обстоятельстве. Вскоре после того, как Рид попал в Нью-Йорк, он неожиданно столкнулся с бывшим профессором американского колледжа в Пекине, который считал его одним из своих лучших студентов. Наш разведчик был даже вхож в семью своего наставника. Надо же какое невезенье! Опять случайная встреча с одним из своих знакомых по Китаю. Призвав на помощь все свое хладнокровие и изворотливость, Рид сумел убедительно объяснить пребывание на берегах Гудзона: он, мол, здесь проездом по делам и скоро уезжает к себе в Турцию.

Все это было подробно изложено в его докладе, который легальная резидентура обещала направить в Центр с очередной почтой. Но и тут судьба сыграла с нами злую шутку. Дипкурьеров с их багажом, в котором находился доклад, поглотили воды Атлантического океана, так как пароход потопила немецкая подводная лодка.

В конце концов все утряслось. Треволнения по этому поводу остались позади, и Рид приступил к работе.

Вскоре я стал начальником американского отделения, но продолжал непосредственно курировать деятельность резидентуры Рида. Он прочно осел в Балтиморе, в часе езды от Вашингтона. В столице жили и работали почти все его агенты. Это были люди, занимавшие в большинстве случаев солидные посты в аппарате Белого дома, государственном департаменте, министерстве финансов, Управлении стратегических служб (так тогда назывался главный разведывательный орган США) и в ряде других министерствах и ведомствах.

Для прикрытия Рид использовал небольшую балтиморскую фирму по пошиву готового платья, принадлежавшую нашему агенту. Это был надежный человек, но дело его находилось в плачевном состоянии. Рид стал совладельцем предприятия, вложив туда небольшой капитал, и фактически взял дело в свои руки. Скоро производство расширилось – стали выпускать меховые шубы и куртки. Нашему резиденту пришлось тряхнуть стариной: он вспомнил скорняжное ремесло, которое освоил, помогая в детстве своему деду.

Два-три раза в месяц Рид выезжал в Вашингтон для личных встреч с агентами. Столько же раз туда отправлялась Вера, что бы получить разведывательные материалы.

Сведения из нелегальной резидентуры шли очень важные. Они вызывали большой резонанс и не только оперативный, но и политический. В качестве примера приведу следующие факты. 17 сентября 1944 года газета «Правда» опубликовала сообщение собственного корреспондента в Каире, где говорилось, что, по сведениям из заслуживающих доверия источников, состоялась встреча германского министра иностранных дел фон Риббентропа с английскими руководящими деятелями в целях выяснения условий сепаратного мира с Германией. В основе этой информации лежали документальные материалы, полученные Ридом.

По его же данным, примерно в то же время немецкий посол в Ватикане фон Вайцеккер вел переговоры с личными представителями Рузвельта архиепископом Спелманом и Тайлером об условиях выхода Германии из войны. Вряд ли нужно объяснять, насколько важной для руководства нашей страны была эта достоверная информация.

Великая Отечественная война, потребовавшая от наших людей огромного напряжения сил, беспримерного мужества и героизма, стала суровым испытанием для сотрудников внешней разведки. Деятельность Рида и Веры являла собой один из ярких примеров того, как разведчики-нелегалы выполняли свой долг.

В начале декабря 1945 года работу резидентуры Рида пришлось прервать в связи с возникшей реальной угрозой провала. Дело в том, что американской контрразведке удалось раскрыть одно из звеньев старого довоенного аппарата на шей службы. От арестованных агентов нить потянулась к Риду.

Ахмеров вернулся на Родину. Он еще долгие годы плодотворно трудился в центральном аппарате внешней разведки. Был заместителем начальника отдела нелегального управления. Выезжал в краткосрочные командировки. Проводил операции по восстановлению связи с агентами-нелегалами. Выполнял другие ответственные задания. Принимал участие в подготовке новых разведывательных кадров.

Умер И.А.Ахмеров в 1975 году.

В Исхаке Абдуловиче я видел тот идеал разведчика, которому стремился подражать. Это был человек с колоссальной трудоспособностью и неиссякаемой энергией. Удивляла его упрямая настойчивость в достижении поставленной цели. И огромная сила воли. Не скрою, даже зная, что он достаточно хорошо казался, что он несколько суховат, чрезмерно сдержан, не только неразговорчив – молчалив. Но, как я убедился, это происходило от его великой скромности. Он никогда не выпячивал своих заслуг, а они, как вы могли убедиться, были огромны. Видимо, этим объясняется тот факт, что получил полковник Ахмеров удивительно мало наград – два ордена Красного Знамени и орден «Знак почета», не считая обязательных медалей. И это за три с лишним десятилетия службы во внешней разведке, из которых 12 тяжелейших лет за границей в нелегальных условиях.

Но не стоит печалиться о мелких превратностях судьбы. Лучшим памятником выдающемуся разведчику Исхаку Ахмерову были и остаются его дела. И среди них одна из самых блестящих акций нашей разведслужбы – операция «Снег»⁵.

Началось все летом 1940 года. Обсуждая тогдашнее положение в Соединенных Штатах и возможности агентуры, оставленной в бездействии отозванным в Москву Ахмеровым, мы взвешивали различные варианты восстановления связи с источниками наиболее важной информации, пока без возвращения туда самого Исхака Абдуловича.

Ахмеров подробно рассказывал мне о каждом своем помощнике и тщательно анализировал, может ли тот или другой оказать влияние на государственных и политических деятелей в Вашингтоне. Говорил он и о своем опыте работы в Китае, о том, что тогда понял, как велика японская угроза Дальнему Востоку и как резко сталкиваются там американские и японские интересы. Позже, уже в США, он не переставал интересоваться американо-японскими отношениями, тем более что среди его агентов были люди, имевшие прямое отношение по своему служебному положению к тихоокеанскому региону.

Мой старший коллега вспоминал, как в начале 30-х годов вспыхнули в Соединенных Штатах антияпонские настроения в связи с сообщениями о так называемом «меморандуме Танаки».

В 1927 году японский премьер-министр генерал Гинти Танака представил императору секретный доклад по вопросам внешней политики Страны восходящего солнца. Основные положения этого меморандума сводились к провозглашению агрессивного курса островного государства. В нем утверждалось, что Япония должна проводить политику завоевания сопредельных стран в целях достижения мировой гегемонии. Меморандум намечал очередность захватнических действий: ключом к установлению японского господства в Восточной Азии должно быть завоевание Китая, а для этого предварительно необходимо овладеть Маньчжурией и Монголией. Затем Япония должна использовать этот регион как базу для проникновения в Китай. Ну а потом война с Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Этот секретный документ был добыт через нашу агентуру в правительственных кругах Японии нашим резидентом в Сеуле И.А.Чичаевым и вскоре доведен до сведения мировой общественности. Его содержание нашло подтверждение в агрессии против Китая, захвате Японией Маньчжурии.

Обсуждая экспансию Токио в Азии, мы с Ахмеровым были одного мнения: она угрожает прежде всего нашему Дальнему Востоку. Эта опасность усиливалась с одновременно нараставшей угрозой со стороны гитлеровской Германии на Западе. Ахмеров высказывал мнение, что японцы могут попытаться напасть на наши дальневосточные рубежи, как только Германия решится выступить против нас. Об этом свидетельствовал и заключенный в 1936 году Антикоминтерновский пакт.

Что можно было бы предпринять, чтобы уменьшить для нас опасность возникновения войны на два фронта – на Западе и Востоке? Мы вспомнили, как после Октябрьской революции японцы набросились на наш Дальний Восток. Тогда их расчеты потерпели фиаско, столкнувшись как с сопротивлением нашего народа, так и с серьезным предостережением США, отнюдь не желавшими усиления Японии. В мае 1921 года Вашингтон направил Токио резкую ноту с категорическим заявлением, что не признает никаких договоров, являющихся следствием японской оккупации. В заявлении содержалось требование полной эвакуации японских войск из Сибири. Всякие исторические аналогии условны. Но тем не менее, подумали мы, нет ли в современных условиях возможности «приструнить» Японию на случай появления у нее желания напасть на нас?

⁵ В архиве Службы внешней разведки РФ никаких документальных данных об операции «Снег» нет – прим. авт.

Эта мысль захватила нас, и Ахмеров стал вспоминать беседы на тему американо-японских отношений со своими агентами. Один из них, назовем его «Икс», сотрудник министерства финансов США, рассказывал о своих влиятельных сослуживцах. Среди них он очень положительно характеризовал ряд антифашистов, из которых один, отличавшийся большими способностями и пользовавшийся особым расположением министра финансов Генри Моргантау, часто готовил докладные записки для президента. Его звали Гарри Декстер Уайт. Ахмеров попросил «Икса» организовать встречу с этим человеком под каким-либо благовидным предлогом. Для зашифровки интереса к нему он попросил «Икса» пригласить не одного Уайта, а нескольких гостей.

Такая встреча состоялась в середине 1939 года, еще до начала второй мировой войны. Ахмеров познакомился с Уайтом, выдавая себя за синолога, занимающегося проблемами Дальнего Востока. Ему вспомнилось, что, когда, следуя легенде, он сказал, что вновь собирается в Китай, Уайт выразил желание встретиться с ним по возвращении из тех «интересных краев».

Тогда Ахмеров не считал целесообразным дальнейшее изучение Уайта для его возможной вербовки по двум причинам: во-первых, мы имели уже достаточные информационные возможности в министерстве финансов и получали оттуда самые интересные сведения, а во-вторых, Уайт был убежденным антифашистом и действовал сам в соответствии со своими убеждениями в нужном для нас направлении. Сейчас в Москве Ахмеров под влиянием наших рассуждений подумал, что возможности заместителя министра финансов очень быгодились. Нельзя ли, высказал Исхак Абдулович мысль, в современных условиях, когда идет вторая мировая война и США наращивают свою оборонную промышленность, побудить Вашингтон вновь предостеречь Японию от ее экспансии? Ведь современная политика Токио в тихоокеанском регионе прямо угрожает интересам Соединенных Штатов и их союзников.

Просмотрев все последние материалы «Икса» и других агентов Ахмерова, мы пришли к выводу, что Уайт мог бы оказаться весьма кстати. Он продолжал пользоваться полным доверием Г.Моргентау. Министр верил ему, разделял его оценки и использовал их в своих записках президенту Рузвельту и госсекретарю Корделлу Хеллу.

Но вставал вопрос: как подступиться с нашей идеей к Уайту? Через агента «Икс» – исключалось, так как мы уже отвергли мысль о восстановлении связи с агентами до возвращения Ахмерова в США. И тут во второй половине 1940 года начальник внешней разведки П.М.Фитин предложил мне готовиться к ознакомительной поездке за океан.

– Ты, – сказал мне Павел Михайлович, – руководишь делами США, а сам там еще не был. Поезжай в начале будущего года, посмотри, как работают те молодые разведчики, которых ты туда отправил.

Это предложение я сразу же обсудил с Ахмеровым: а что, если мою поездку использовать для реализации нашего плана?

Тем временем шли тревожные вести о том, что «северная фракция» милитаристов в Токио упорно стремится склонить правительство к нападению на СССР. Но в японском руководстве были сильны и позиции сторонников «южного направления», настроенных развивать агрессию в Китае на юг, откладывая пока планы завоевания северных территорий.

Мы понимали, что укрепить сомнения японских милитаристов в осуществимости «северных» планов в значительной степени сможет позиция США. Из того, что мы знали об Уайте, вытекало, что он мог бы попытаться воздействовать через Моргантау на усиление такой линии в американской администрации, которая противодействовала бы японской экспансии.

Ахмеров много помогал мне готовиться к поездке. Мы сошлись еще больше. Я убедился в его мудрости и все больше доверял ему, и посчитал необходимым узнать его мнение о том, не стоит ли мне поставить перед руководством вопрос о проведении в США встречи с каким-либо источником для получения хотя бы небольшой практики в агентурной работе?

Меня интересовало, как оценит Ахмеров мою готовность в двух аспектах: достаточно ли будет моих знаний английского для беседы с агентом и хватит ли моих способностей дать агенту оперативно грамотный инструктаж? Он без колебаний ответил положительно и тут же спросил:

– А почему бы вам не взяться за проведение операции, которую мы задумали? – И, не ожидая ответа, добавил: – Хотя разговор с Уайтом, несомненно, будет гораздо труднее, чем беседа с агентом, знающим, с кем он имеет дело, но за остающиеся до поездки несколько месяцев я берусь подготовить вас к такой беседе.

Мы тут же засели за формулирование целей операции, дав ей кодовое название «Снег» – по ассоциации с фамилией Уайта, означавшей по-английски «белый». В первом приближении они, эти цели, выглядели следующим образом:

– США не могут мириться с неограниченной японской экспансией в тихоокеанском регионе, затрагивающей их жизненные интересы;

– располагая необходимой военной и экономической мощью, Вашингтон способен воспрепятствовать японской агрессии, однако он предпочитает договориться о взаимовыгодных решениях при условии, что Япония 1) прекращает агрессию в Китае и прилегающих к нему районах, 2) отзывает все свои вооруженные силы с материка и приостанавливает экспансионистские планы в этом регионе, 3) выводит свои войска из Маньчжурии.

Эти первоначальные тезисы подлежали окончательному формулированию с учетом возможных замечаний руководства внешней разведки. В отработанном виде их предстояло довести до сведения Уайта, который сам найдет им убедительное обоснование, чтобы в приемлемой форме преподнести руководителям США.

Ахмеров подготовил подробный план встречи в Вашингтоне с Уайтом и беседы с ним, включая порядок ознакомления с тезисами и идеей продвижения их в руководство США. Моя же главная задача состояла в том, чтобы хорошо подготовиться в языковом отношении, отработать легенду знакомства с Ахмеровым в Китае, подобрать надежные маршруты в Вашингтоне для выхода на встречу.

Все это я доложил П.М.Фитину. Он поинтересовался мнением Ахмерова относительно реальности операции и обещал проконсультироваться с руководством наркомата.

Примерно через неделю Павел Михайлович вызвал меня и сказал, что в принципе наше предложение одобрено. Мне еще нужно лично доложить наркому об операции. Естественно, я был обрадован, что наш с Ахмеровым замысел получил одобрение. Но вместе с тем изрядно волновался, как пройдет доклад. В моей памяти еще свежа была картина «совещания» у Берии в начале года, и я мог ожидать от встречи с ним чего угодно.

Нарком вызвал меня в октябре 1940 года. Разговор с ним был предельно кратким. Он спросил, понимаю ли я всю серьезность предлагаемой операции? Детали его не интересовали, их не обсуждали.

– Сейчас же, – строго наказал Берия, – готовь все необходимое и храни все, что связано с операцией, в полнейшей тайне. После операции ты, Ахмеров и Павел Михайлович должны забыть все и навсегда. Никаких следов ее ни в каких делах не должно остаться.

Надо сказать, что позже я поинтересовался, нет ли каких-либо замечток в личных делах Ахмерова и моем или в агентурных досье, но ничего не обнаружил. Более того, когда мы с Исаком Абдуловичем в 1946 году вновь встретились в Центре после его возвращения из США и моего из Канады, мы, памятуя о приказе «забыть все», не затрагивали этой темы. Единственно, Ахмеров мне как-то намекнул, что все «сработало отлично». Молчали мы до 1953 года, когда Берия был арестован, осужден и расстрелян. Теперь мы с Ахмеровым – я считал его первым разработчиком и инициатором операции «Снег», – не опасаясь, подвели, так сказать, для себя итоги этой акции. И тут Исаак Абдулович рассказал мне, что в конце войны от агента

«Икс» он узнал: Уайт разыскивал Билла, то есть Ахмерова, чтобы поблагодарить его за какую-то идею, которая имела большой успех.

Но вернемся в 1941 год. Мы тщательно подготовили операцию. Постарались предусмотреть все возможное, вплоть до того, что Ахмеров подобрал телефонные будки в Вашингтоне, откуда я должен был позвонить Уайту, и различные варианты беседы с ним на английском языке.

Надо сказать, что за время трехмесячной подготовки операции я сильно продвинулся в английском языке. И все же, страховки ради, мы попросили направить со мной в качестве второго дипкурьера нашего сотрудника Михаила Корнеева, хорошо знавшего английский, чтобы я мог дополнительно потренироваться в пути. Во всяком случае, присутствие коллеги придавало мне большую уверенность.

Признаться, все время, пока я приближался к месту проведения операции «Снег», я испытывал большое волнение.

Хотя ни страха или опасения за себя, ни малейшей оперативной робости не было, мне было ясно, что, удайся операция хотя бы наполовину, это будет большой победой, мы сможем считать, что внесли свой вклад в дело борьбы с назревавшей угрозой гитлеровской агрессии. Весь смысл нашего с Ахмеровым предложения, одобренного руководством, сводился к одному – предупредить или хотя бы осложнить принятие японскими милитаристами решения о нападении на наши дальневосточные рубежи, помешать экспансии Токио в северном направлении. При этом в случае успеха я заранее относил все заслуги на счет Ахмерова: он был неизмеримо опытнее меня, несравненно глубже понимал проблемы Дальнего Востока и знал политику США. Моя роль сводилась к простому исполнению талантливой замысла выдающегося разведчика.

Поскольку мне требовалась помощь Михаила Корнеева, я рассказал ему о той части операции, в которой он должен был участвовать, не раскрывая других деталей. На подробном плане Вашингтона я показал маршрут, на котором он должен будет контролировать обстановку и предупреждать меня о возможной слежке.

В конце апреля я и Михаил Корнеев выехали в Соединенные Штаты, прикрываясь миссией дипломатических курьеров. Все было сделано как надо. Мы везли настоящую диппочту, имели дипломатические паспорта и пистолеты – в случае нападения мы должны были защищать неприкосновенность нашего груза вплоть до применения оружия.

Наш маршрут: до Ленинграда на поезде, через Атлантический океан пароходом до Нью-Йорка, затем Вашингтон – Сан-Франциско по железной дороге, оттуда во Владивосток через Тихий океан, с заходом на Гавайские острова и в Японию, и наконец, в Москву по Транссибирской железнодорожной магистрали.

В середине мая мы доплыли до Нью-Йорка, сдали почту в советское генеральное консульство и, отдохнув пару дней, выехали в Вашингтон, где мне предстояло нелегкое испытание на, так сказать, аттестат оперативной зрелости.

Сразу по прибытии в американскую столицу – это было в понедельник – мы с Михаилом проехали по улицам. Оперативный водитель показал все места, где могло быть установлено усиленное наблюдение полиции и контрразведки. Затем проехали по всем намеченным Ахмеровым маршрутам для телефонного звонка Уайту, а затем на встречу с ним.

Следующий день, вторник, был, по мнению Ахмерова, наиболее подходящим для звонка. Он хорошо знал распорядок работы государственных учреждений в Вашингтоне и обстановку в министерстве финансов и рекомендовал звонить в любой рабочий день недели, кроме понедельника, когда Уайт мог находиться на совещании у руководства. Оптимальным временем для звонка он считал 10–11 часов утра.

В тот день погода стояла изумительная. Кругом цвели вишневые деревья, которыми славится американская столица. В лучах майского солнца город казался праздничным. Хотя, воз-

можно, просто сказывалось мое приподнятое настроение. Мы, как и намечали в Москве, встали рано и около 7 часов утра выехали «на прогулку». По пути, после нескольких проверок на удобных малолюдных улочках, где не было оживленного движения, зашли в небольшую закусочную и позавтракали. Когда до звонка оставался час времени, выехали на проверочный маршрут. Михаил вышел из машины за три квартала до своего контрольного пункта. Мы с водителем провели еще одну тщательную проверку, и я направился к телефонной будке. Ровно в 9.50 я прошел мимо Михаила. Он сделал незаметный условный жест рукой: «Все чисто».

В следующие несколько минут я быстро одолел два квартала и в десять открыл дверь телефонной будки. Когда раздались гудки на другом конце провода, мне показалось, что время остановилось. И вдруг среди напряженного ожидания прозвучало: «Уайт слушает». Я назвал себя, как десятки раз было отрепетировано с Ахмеровым, сказал, что звоню по просьбе моего преподавателя Билла, который все еще находится на Дальнем Востоке, и выразил готовность встретиться с Уайтом, если он желает узнать о Билле и выслушать, что тот просил передать ему.

Уайт, помедлив самую малость, согласился и, вероятно, хотел было назвать время и место, но я опередил его, чтобы не упускать инициативы, и сказал, что я в Вашингтоне ненадолго, на днях возвращаюсь к Биллу, и если Уайт смог бы уделить мне полчаса завтра, то я готов пригласить его на ленч. И назвал ресторан, который, по словам Ахмерова, был известен Уайту. После некоторого размышления мой собеседник согласился. Поблагодарив, я попрощался с Уайтом и повесил трубку.

Вздыхнув с облегчением, я постоял еще с минуту у телефона, повторил про себя весь разговор и отметил, что все прошло без сучка и задоринки. Первый этап завершился. Теперь пред стояло главное: как Уайт воспримет идею Билла? Все остальное – мои языковые трудности, вопросы выхода на встречу – отошли на второй план.

Я пытался поставить себя на место Уайта и определить его возможную реакцию. Самая неприятная: кто вы такой и почему Билл лезет в мои служебные дела? При отягчающих обстоятельствах эта реакция может сопровождаться обвинением меня в провокации с соответствующими последствиями и возможным вынужденным знакомством с местными властями. Конечно, это будет полный провал операции, но против личных неприятностей меня защищал дипломатический паспорт дипкурьера. Все другие реакции были бы в принципе благоприятными, даже если Уайт просто по каким-то соображениям отвергнет нашу идею.

Утром следующего дня мы с Михаилом совершили «прогулку», заранее договорившись о том, куда к 12 часам должен подъехать на машине наш водитель. Мы прошли в центр, полюбовались монументом Линкольна, около 9 часов позавтракали в небольшом кафетерии и, как заправские туристы, неспешно пошли к намеченному месту, куда должен был подъехать автомобиль.

Забыл упомянуть, что в телефонном разговоре с Уайтом я сказал ему, что постараюсь быть на месте за несколько минут до свидания, что я блондин, среднего роста и что у меня на столе будет журнал «Нью-Йоркер», с которым я не расстанусь. Это облегчит ему мое опознание. Его же я, по описанию Ахмерова, надеялся узнать без труда.

Не скажу, что, подходя к ресторану, я не испытывал волнения. Вновь и вновь в моей голове прокручивались варианты предстоящего разговора. Главное, чего мне нельзя было упускать из виду, это то, что Уайт – ответственный сотрудник американского государственного учреждения, и я не собирался предлагать ему ничего такого, что выходило бы за рамки закона или ущемляло бы интересы США. Наоборот, все идеи Билла предполагали защиту национальной безопасности Соединенных Штатов. Кроме того, памятуя о твердых антифашистских убеждениях Уайта, я собирался подчеркнуть, что эти идеи продиктованы стремлением противодействовать германскому фашизму и японскому милитаризму.

Генри Моргентгау

Уайт, как один из доверенных лиц Генри Моргентгау, должен был быть в курсе реальной угрозы гитлеровского нападения на нашу страну и, конечно же, понимал, что, ограждая нас от агрессии Японии на Дальнем Востоке, он будет способствовать усилению Советского Союза перед этой угрозой в Европе. Следовательно, его действия соответствовали антифашистским идеям. Поэтому любой шаг, способствующий обузданию экспансии Японии в Китае, Маньчжурии и Индокитае, отвечал бы американским интересам в тихоокеанском регионе. В этом плане я был готов, если потребуется, напомнить и о «меморандуме Танаки».

Сейчас, когда я смог ознакомиться с текстами записок, подготовленных Уайтом для Г. Моргентхау и доложенных осенью 1941 года президенту Ф.Д.Рузвельту, мне стало ясно: краткие тезисы Билла, переданные мною, автор развил в убедительные аргументы, которые принял на вооружение Белый дом.

Но вернемся к той памятной встрече в Вашингтоне. Я вошел в ресторан, который был уже почти пуст, – время ленча подходило к концу, и направился к столику в глубине зала, от куда хорошо был виден вход. Осмотревшись, я положил на стол журнал «Нью-Йоркер», так, чтобы заголовок можно было заметить издали.

В дверях показался Уайт, которого я сразу узнал по описанию Ахмерова. Он окинул взглядом зал и направился ко мне, так как другого блондина в ресторане, видно, не оказалось.

Когда он приблизился, я встал и произнес его имя. Он кивнул и назвал меня. Мы поздоровались. Поскольку я заметил, что к нам направляется официант, попросил Уайта заказать по его выбору завтрак и для меня. Когда официант отошел, я сразу же попросил у собеседника извинения за мой варварский английский язык, сославшись, согласно легенде, на то, что долго живу в Китае, «вдали от цивилизации». Он улыбнулся и подбодрил меня:

– Думаю, что это не мешает нам понять друг друга.

Пока Уайт делал заказ, я успел рассмотреть его. Это был человек лет тридцати пяти-сорока, с очень живым, симпатичным лицом и проницательными глазами, которые прятались за очками в тонкой металлической оправе. Он производил впечатление скорее профессора, чем важного государственного чиновника.

Чувствовалось, что Уайт готов был с интересом выслушать мои пояснения о цели встречи. Я не заставил его ждать. Передал привет от Билла из далекого Китая, добавив, что мы с ним друзья, вернее, он мой наставник, которого я глубоко уважаю.

– Билл немного рассказал мне о вас, – начал я, – и попросил об одолжении, которое я охотно выполняю. Он подчеркивал: то, что я собираюсь передать вам, очень актуально и его нельзя откладывать до тех пор, когда он вернется на родину и встретится с вами.

Уайт прервал мой монолог вопросом:

– Когда Билл намерен приехать в США?

Я, как было согласовано с Ахмеровым, ответил:

– Билл хочет сделать это как можно скорее, не позже конца года. Он усиленно работает над проблемами американо-японских отношений, и у него вызывает большую тревогу экспансия Японии в Азии. Вот как раз в связи с этим он и просил меня, по возможности, встретиться с вами и, если вы не будете возражать, ознакомить с идеей, которая, по его убеждению, может заинтересовать вас.

Уайт заметил, что встреча с Биллом пару лет тому назад оставила у него хорошее впечатление.

– Это явно человек глубоких мыслей, – сказал мой собеседник и добавил, что готов выслушать меня.

Извинившись за то, что не очень полагаюсь на свои знания английского, я положил перед Уайтом небольшую записку. Прочитав ее, мой визави воскликнул, что его поражает совпадение собственных мыслей с тем, о чем, судя по тезисам, думает и Билл. Он машинально хотел положить листок в карман, но, увидев мою протянутую руку, вернул его мне.

– Я на днях возвращаюсь в Китай, и Билл обязательно пожелает узнать ваше мнение, – сказал я, – ведь он так беспокоился как раз о том, видит ли руководство США японскую угрозу и намерено ли что-то делать для обуздания азиатского агрессора?

Гарри Декстер Уайт

Уайт просил передать Биллу следующее:

- он благодарен за высказанные мысли, которые соответствуют его, Уайту, убеждениям и знанию положения в указанном регионе;
- он уже задумывался сам над тем, что можно и нужно предпринять;
- он полагает, что, получив поддержку хорошо осведомленного специалиста, сможет предпринять необходимые усилия в нужном направлении.

Говорил Уайт нарочито медленно, слова произносил отчетливо, а закончив, спросил, правильно ли я понял его. Чтобы успокоить собеседника, я повторил его устное «послание» для Билла почти слово в слово. Он одобрительно кивал головой и даже похвалил мою память.

Наша трапеза подходила к концу. Уступая просьбе Уайта, я предоставил ему возможность расплатиться за ленч, поскольку он его заказывал.

Я был удовлетворен тем, что главную свою задачу мне удалось выполнить, и с легким сердцем возвратился к месту, где Михаил ждал меня в автомобиле...

В Москве я прежде всего встретился с Ахмеровым. Мы обстоятельно проанализировали, не упуская мельчайших подробностей, ход операции и реакцию Гарри Уайта. Ахмеров пришел к выводу, что он вел себя так, как и следовало ожидать. Можно было быть уверенным, что он принял наш совет и обязательно им воспользуется, теперь оставалось ждать его действий.

Я полностью согласился с выводами Ахмерова и, по договоренности с ним, доложил все начальнику разведки.

Еще из США, как было условлено, я направил лично Фитину шифртелеграмму с одной фразой: «Все в порядке, как планировалось. Клим». Павел Михайлович после моего доклада сказал, что он сразу сообщил Берии содержание депеши, так что идти к нему не потребуется. Да сейчас и не до того, началась война. На этом, подвел итог Фитин, для нас операция «Снег» заканчивается, а Ахмеров и я должны все забыть. Мы так и поступили, пока меня к этим воспоминаниям не вернули американцы. Но это случилось уже в наши дни.

Недавно в мои руки попала книга бывшего конгрессмена Гамильтона Фиша «Мемуары американского патриота», изданная в Вашингтоне в 1992 году. Читая ее, я в полной мере ощутил роль Гарри Уайта в возникновении американо-японской войны. Автор приводит два документа от 6 июня и 17 ноября 1941 года, составленные Уайтом. Их главное содержание вошло в меморандум министра Моргантау для Хэлла и Рузвельта от 18 ноября того же года. На основании последнего документа, пишет Фиш, 26 ноября японскому послу в США адмиралу Номуре был вручен ультиматум с требованием немедленно отозвать все вооруженные силы Японии из Китая, Индонезии и Северной Кореи. Японскому правительству предлагалось выйти из тройственного пакта с Германией и Италией, заключенного в сентябре 1940 года. Документ, который был назван «ультиматум Хэлла», по утверждению автора, спровоцировал войну между Японией и США.

Ссылаясь на американского историка А.Кубика, Г.Фиш пишет далее, что Г.Уайт – не только заместитель, но первое доверенное лицо министра финансов Г.Моргентау, занимавшего одну из ключевых позиций в администрации Рузвельта. Вместе с тем Уайт якобы был скрытым коммунистом и сотрудничал с советской разведкой. В свидетели Фиш призывает предателей и изменников – Бармина, Чэмберса, Бентли, Гузенко⁶. Все их показания в отношении Уайта тщательно проверяла американская контрразведка, но безрезультатно. Его «нелояльность» расследовала и комиссия конгресса под руководством Дайса. Психологическим террором она смогла добиться только одного: категорически отрицавший все обвинения Уайт не выдержал травли и после очередного допроса в августе 1948 года скоропостижно скончался. Дела на него, которые завели ФБР и комиссия конгресса, были закрыты: им не удалось доказать, что он был агентом советской разведки. Истина восторжествовала, хотя и очень дорогой ценой.

Со своей стороны, я, наверное единственный оставшийся в живых участник операции «Снег», могу засвидетельствовать: Гарри Декстер Уайт никогда не состоял с нами в агентурных отношениях.

Должен сказать и об удивительной нечистоплотности Г.Фиша. Этот потерявший всякую порядочность бывший конгрессмен-неудачник, выбитый из седла законодателя еще в 1945 году, мстит, спустя полвека, ненавистному ему Франклину Делано Рузвельту и всем, кто способствовал успешной деятельности администрации этого выдающегося американского прези-

⁶ Первые трое – провокаторы ФБР. Игорь Гузенко – лейтенант, шифровальщик резидентуры советской военной разведки в Оттаве, изменил Родине в сентябре 1945 года.

дента. И тшась выдать себя за патриота, льет грязь на истинного сына Соединенных Штатов Гарри Уайта.

Теперь, зная всю подноготную подготовки японской агрессии против США и будучи причастным в известной мере к действиям Уайта в защите американских интересов на Тихом океане, я могу трезво оценить роль нашей внешней разведки в предупреждении японской агрессии против СССР в 1941 году. От одновременного с германской агрессией нападения на Советский Союз Японию удержала прежде всего неуверенность в успехе этой затеи после горького поражения при Халхин-Голе. Вторым фактором, безусловно, была превалирующая заинтересованность Токио в другом, южном направлении японской агрессии.

Состояние умов в японском правительстве еще до Пёрл-Харбора характеризует шифртелеграмма министра иностранных дел, направленная послу Японии в Берлине 22 ноября 1941 года, то есть до вручения «ультиматума Хэлла».

«Повстречайтесь с Гитлером и Риббентропом, – писал министр, – и в секретном порядке объясните им наши отношения с США... Объясните Гитлеру, что основные японские усилия будут сосредоточены на юге, и мы предполагаем воздержаться от преднамеренных действий на севере». Эти данные, полученные советской разведкой, позволили нашему правительству пока не беспокоиться за Дальний Восток.

Конечно же, объективно возможность японского нападения на наш тыл оставалась. Вступление США в войну с Японией устраняло подобную угрозу, поэтому любые действия для достижения такой гарантии были выгодны нам. С этих позиций операция «Снег» была полностью оправданна.

В связи с операцией «Снег» хочу подчеркнуть еще одно важное обстоятельство. Что бы ни говорили «эксперты» по вопросам внешней разведки из числа бежавших на Запад изменников, например О. Гордиевский, об И.А.Ахмерове и его деятельности, им нельзя верить. Они могут питаться только слухами, ибо сам Исхак Абдулович был человеком весьма скрытным и никогда не рассказывал о своей работе, тем более об агентах, с которыми был связан в США. Могу сказать: нет, не мог Ахмеров в своей лекции, как пишет Гордиевский, что-либо говорить о Гарри Гопкинсе⁷ или Олджере Хиссе⁸, которые не были нашими агентами (он, Ахмеров, никогда с ними не встречался). Все это чистый вымысел изменника, который лично с Ахмеровым не был знаком.

Как и вся наша внешняя разведка, Ахмеров отнюдь не стремился к тому, чтобы привлекать к сотрудничеству «высших государственных деятелей», хотя среди десятка наиболее ценных его агентов двоих можно было отнести к такой категории.

Наша разведка считала (думаю, считает и сейчас), что умный и способный помощник или секретарь крупного руководящего деятеля может добывать не меньшую (если не большую) информацию, чем его шеф.

Если говорить о втором периоде разведывательной деятельности И.А.Ахмерова в США (1941–1945 годы), то вся информация, которую добывала резидентура, была прежде всего «антигерманской» и «антияпонской» и отнюдь не использовалась против США. Наши источники – американцы, согласившиеся на сотрудничество с внешней разведкой на антифашистской основе, не причиняли какого-либо вреда своей родине. Скорее они помогали американской армии успешно сражаться против немецких фашистов и японских милитаристов.

⁷ Гопкинс Гарри (1890–1946) – американский государственный деятель и дипломат. С 1941 года советник и специальный помощник президента США Ф.Рузвельта. Участвовал в переговорах Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши в Каире и был членом делегации США на Тегеранской (1943 год) и Крымской (1945 год) конференциях глав правительств СССР, США и Великобритании.

⁸ Хисс Олджер – американский дипломат, в 1939–1944 годах помощник советника по политическим вопросам в управлении Дальнего Востока госдепартамента. Был членом делегации США на Крымской конференции и временным генеральным секретарем организационной конференции ООН в Сан-Франциско. В начале 1947 года стал президентом фонда Карнеги. Через три года приговорен к пятилетнему тюремному заключению за лжесвидетельство.

Естественно, читателей может интересовать дальнейшая судьба тех агентов Ахмерова, которые служили в разведывательной организации Вашингтона военного времени – Управлении стратегических служб, предтечи ЦРУ. В американской печати в последние годы не раз появлялись сообщения, основанные на будто бы расшифрованной переписке нью-йоркской резидентуры нашей внешней разведки с Центром в период войны. В них утверждалось, что секретная служба Кремля имела в УСС семь агентов. Думаю, что в этих сообщениях верно только одно: да, мы располагали агентурой в разведке Вашингтона. Но, во-первых, агентов было не семь, а значительно больше (читатели должны понять, что даже сейчас точную цифру я не могу рассекречивать по своему желанию). Во-вторых, что касается «расшифровки переписки» наших разведывательных структур, я весьма сомневаюсь, что американцам удалось узнать хотя бы об одном из наших агентов в УСС. Более того, скажу следующее: некоторым нашим источникам, работавшим во время войны в разведке Вашингтона, удалось в 1947 году, когда было создано ЦРУ, перейти в эту организацию.

Конечно, обо всем этом я не могу рассказать более подробно: время еще не пришло.

Костер Джон

«Операция «Снег»: как советский «крот» в Белом доме Рузвельта спровоцировал Перл-Харбор»⁹

Глава 5. Майский меморандум

После встречи с Виталием Павловым, в мае 1941 года Гарри Декстер Уайт сел за пишущую машинку, чтобы изменить ход истории. Его задачей было развязать войну с Японией, не будучи при этом разоблаченным в качестве агента советской разведки. Он знал, что большинство американцев мечтало остаться в стороне от войны в Европе, если только Соединенные Штаты не подвергнутся нападению.

Одна из причин победы Рузвельта на президентских выборах 1940 года – обещание не допустить участие Америки во Второй мировой войне. Но Уайт также знал, что руководитель США был озабочен спасением Британии от Гитлера и что большинство американцев сочувствовали лондонцам, подвергшимся немецким бомбардировкам. В сентябре 1940 года Рузвельт отправил британцам пятьдесят устаревших эсминцев времен Первой мировой войны в обмен на аренду несколько баз в Ньюфаундленде и Бермудские острова. Затем, в марте 1941 года, он подписал Закон о ленд-лизе, предоставив Британии кредиты и военную технику и вызвав возмущение изоляционистов, в том числе членов его собственной партии.

Сам Уайт не симпатизировал Британии. Линия американской компартии, начиная с подписания пакта Молотова-Риббентропа, заключалась в том, что британцы сами навлекли на себя свои беды и что Британия и Франция были капиталистическими и колониальными державами, которых не стоило спасать. Лидер американской компартии Уильям Фостер писал: “Это была не Германия, напавшая на Францию и Англию, а Франция и Англия, которые напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну”. СССР, в надежде, что США останутся в стороне от войны и позволит Великобритании и Франции погибнуть, Москва выступила против планов Рузвельта по мобилизации Соединенных Штатов – пока не увидела в Гитлере потенциальную угрозу в дни, непосредственно предшествовавшие 22 июня 1941 года.

Проблема Уайта заключалась в том, что Рузвельт был англофилом, а не коммунистом, и он, вероятно, думал, что война против Японии отвлечет его от спасения Британии. В июне 1940 года, когда японцы воспользовались падением Франции, вторглись в северный Индокитай – французскую колонию, где большинство людей не любили французов так же сильно, как корейцы не любили японцев, Рузвельт ввел эмбарго на продажу стали и металлолома в Японию. Однако он избежал прекращения поставок нефти, что могло бы спровоцировать войну с Японией, у которой почти не было собственных нефтяных ресурсов.

Однако Уайт знал, что в апреле Рузвельт тайно разрешил пилотам армии, флота и морской пехоты США тихо уйти в отставку и воевать в Китае на американских истребителях Р-40 в армии Чан Кайши против японцев. Если последние обнаружат, что американские наемники, получающие жалованье от Китая, убивают японских авиаторов, война могла бы начаться и без помощи Уайта.

Начальник Уайта, Генри Моргантау-младший¹⁰, был возмущен преследованием евреев в нацистской Германией, но Моргантау, конечно, не был коммунистом. Он был верен Америке

⁹ Перевод фрагмента книги Koster, John P. «Operation Snow: how a Soviet mole in FDR's White House triggered Pearl Harbor» – New York: MJF Books., 2012

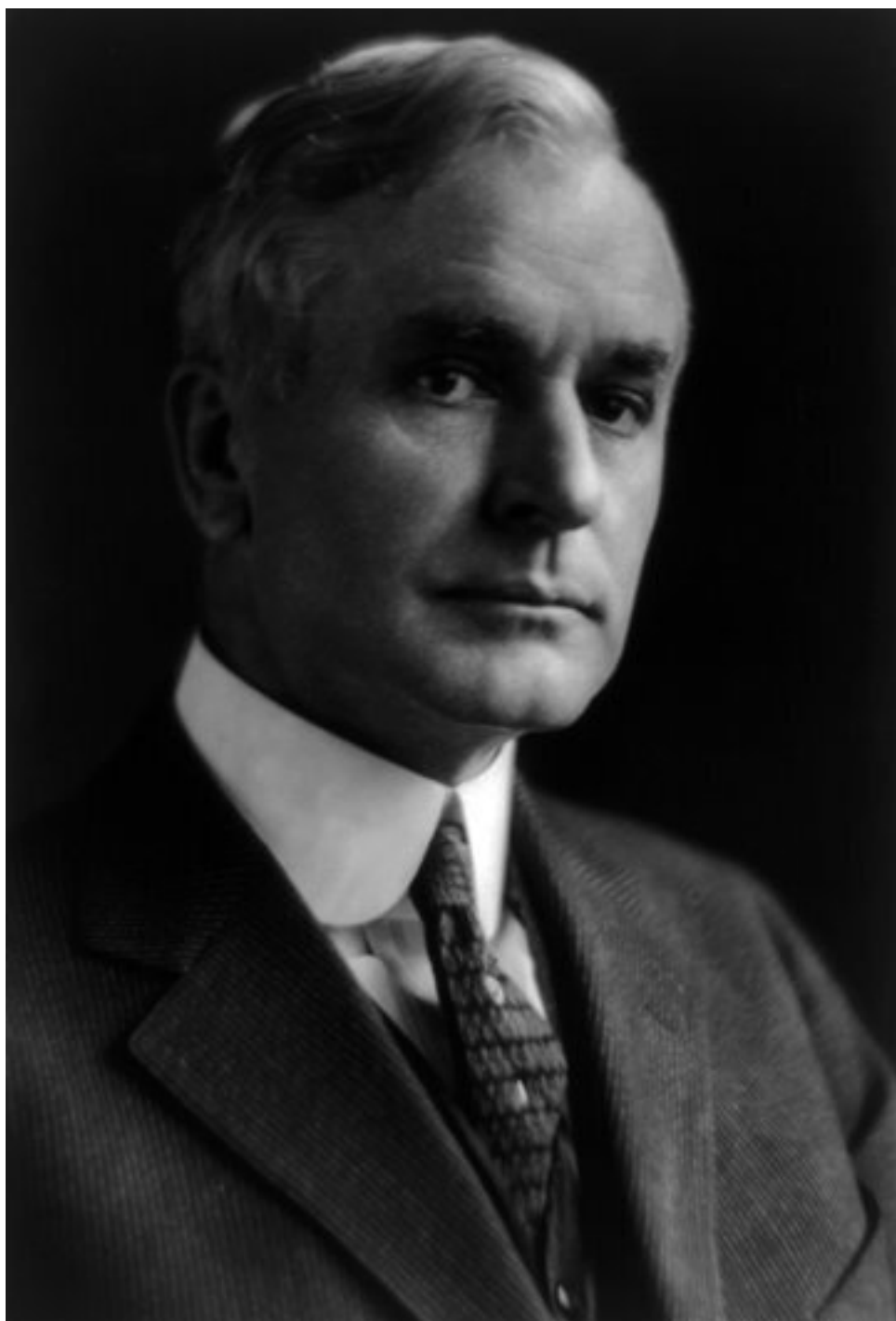
¹⁰ Министр финансов США в период с 1934 по 1945 год. Политический и экономический советник президента США Ф.

и своим братьям-евреям, но совсем не был верен Сталину. Но ни Рузвельт, ни Моргантау не выступили бы за войну, которая отвечала бы его собственным интересам. Рузвельт хотел прискакать на своем белом коне и спасти Англию, а Моргантау хотел спасти евреев и наказать немцев.

Настоящим препятствием был государственный секретарь Корделл Халл¹¹. Рассказывали, что он родился в бревенчатой хижине в Теннесси, как и Абрахам Линкольна – юрист-самоучка, он служил пехотным офицером на Кубе во время испано-американской войны. Халла было бы труднее убедить, чем Рузвельта. Автор федеральных законов о подоходном налоге 1913 и 1916 годов и закона о налоге на наследство 1916 года, Халл был популистом и другом простых людей. Он знал, что на войне убивают или калечат обычных людей.

Рузвельта – прим. ред..

¹¹ Американский государственный деятель. Занимал пост государственного секретаря 11 лет (1933–1944), дольше чем кто-либо другой. Лауреат Нобелевской премии мира – прим. ред..

Корделл Халл

Между Халлом и Моргентау уже был конфликт. К 1938 году преследование евреев на большей части Европы вызвало кризис с беженцами. Вскоре после немецкой аннексии Австрии, в результате которой еще двести тысяч евреев остались без гражданства, Рузвельт созвал конференцию в Эвиан-ле-Бен во Франции¹², чтобы постараться ускорить бегство немецких и австрийских евреев. Проблема заключалась в том, что, хотя англоязычные страны

¹² Эвианская конференция – международная конференция с участием представителей 32 стран, на которой решались вопросы помощи еврейским беженцам от режима Гитлера в Германии, Австрии и Чехословакии. Конференция была созвана после аншлюса Австрии в марте 1938 года по инициативе президента Соединённых Штатов Америки Ф. Д. Рузвельта и получила название по городу Эвиан-ле-Бен (Франция), где она проходила в «Hotel Royal» с 5 по 16 июля 1938 года – прим. ред.

и Франция испытывали жалость к евреям, они не хотели принимать их у себя. Британцы впустили лишь небольшое количество беженцев, Швейцария и Франция тех, у кого было много денег, а Канада и Австралия почти никого пустили на свою территорию. Доминиканская Республика и Мексика продолжали принимать большое количество евреев. Так же поступили и японцы, но когда беженцы узнали, что им рады в Шанхае и Маньчжурии, но не в самой Японии, многие отложили бегство из Европы в надежде, что англичане и американцы сменят свою политику по отношению к евреям. Гитлер находил забавным, что, хотя все сожалели о жестоким обращении немцев с евреями, казалось, никто их не хотел их принимать. Соединенные Штаты спокойно принимали около 27 тысяч беженцев в год, в основном по квоте, установленной для немцев в 1924 году. Акцент следует сделать на слове “тихо”, поскольку никто не должен был упоминать, что беженцы были (в основном) евреями. Значительная часть городских и южных избирательных округов Рузвельта была откровенно антисемитской, и он опасался их обидеть.

В июне 1939 года Корделл Халл отказался разрешить немецкому судну “Сент-Луис”¹³, с 936 еврейскими беженцами из оккупированной нацистами Европы, причалить в Соединенных Штатах, несмотря на настоятельные просьбы Моргантау и его заверения, что «в газетах ничего не будет». Халл победил Моргантау, человека, известного как “второй государственный секретарь”. И Моргантау ненавидел Холла за это. Беженцы вернулись в Европу, и около половины из них позже были убиты на войне или во время Холокоста. Халл не был антисемитом по убеждениям. Его жена была еврейкой по происхождению со стороны отца, хотя она была воспитана как католичка. Он просто хотел избежать возмущения своего собственного электората, консервативных американцев, которые иногда проявляли антисемитизм и, подобно Халлу, хотели держаться подальше от проблем Европы. Зная, что Рузвельт хотел помочь Великобритании и что Моргантау поддержал бы войну против Германии – возможно, не против Японии, где еврейские банковские интересы были соблюдены, а еврейские беженцы получили убежище – Уайт решил нанести нокаутирующий удар по Корделлу Халлу – квазиизоляционисту¹⁴.

«Х. Д. Уайт

Май 1941 года

А.

Франко-британский стиль дипломатии, которому подражал наш собственный Госдепартамент, похоже, с треском провалился. Из-за полумер, просчетов, робости, махинаций

¹³ После событий Хрустальной ночи (начало ноября 1938 года) немецким евреям стало очевидно, что из Германии необходимо уезжать как можно быстрее. В мае 1939 года около девятисот немецких евреев приобрели билеты на корабль «Сент-Луис», следующий рейсом на Кубу, вместе с разрешением на временное проживание, рассчитывая уже в безопасности на Кубе дожидаться своей очереди на получение американской визы. Во время плавания кубинский президент Федерико Ларедо Брю аннулировал выданные пассажирам лайнера визы. 27 мая 1939 года «Сент-Луис» бросил якорь на гаванском рейде. Ни один из пассажиров не получил разрешения сойти на берег. 1 июня 1939 года капитан «Сент-Луиса» получил приказ покинуть территориальные воды Кубы, в противном случае корабль был бы атакован силами кубинского военного флота. Вплоть до 6 июня «Сент-Луис» кружил вблизи кубинских берегов, надеясь на отмену решения кубинского президента. Но этого не произошло. Соединённые Штаты между тем сообщили, что не превысят иммиграционную квоту. Капитан принял решение направить корабль обратно в Гамбург. – прим. ред.

¹⁴ В США изоляционизм долгое время понимался как стремление избегать вмешательства в конфликты вне американского континента. Такой внешнеполитический курс был рекомендован американскому народу Джорджем Вашингтоном в его прощальном послании. Соединённые Штаты придерживались изоляционизма первые полтора столетия своего существования, однако после Второй мировой войны эта внешнеполитическая концепция утратила популярность. – прим. ред.

или некомпетентности Государственного департамента США и Министерств иностранных дел Англии и Франции, мы находимся в изоляции и быстро приближаемся к войне, которую мы можем выиграть в нынешних обстоятельствах только после дорогостоящих и ожесточенных усилий и только с чудовищно большим количеством жертв и других опасных последствия.

Учитывая необходимость с оптимизмом смотреть на исход войны, в которой через много лет мы одни, возможно, будем сражаться с победоносной Германией, а так же с ее союзниками – Японией и Италией и поставщиком ресурсов – Европой. Было бы фатально позволить такому оптимизму затуманить сложность стоящие перед нами задачи и помешать нам предпринять решительные шаги по укреплению наших позиций – пока еще есть время».

Уайт на пяти страницах излишне подробно рассуждал на тему важности дипломатии, а затем предложил направить меморандум в Японию.

«II

Соединенные Штаты и Япония

А.

Принимая во внимание, что война между Соединенными Штатами и Японией стоила бы тысяч жизней, миллиардов долларов, она покинула бы побежденную страну ожесточенный и жаждущий мести, способствовала бы социальному разрушению и не обеспечила бы мира в течение жизни наших детей, а также не разрешила бы навсегда неприятные проблемы, которые сейчас стоят между двумя странами, и

Принимая во внимание: Соединенные Штаты стремятся избежать войны и готовы пойти более чем на половину пути для мирного урегулирования вопросов, мешаю более дружественным отношениям между двумя странами, и

Принимая во внимание: Соединенные Штаты признают, что Япония, в силу особого характера своей экономики, остро нуждается в возможностях для расширения внешней торговли и в капитале для устранить разрушительные последствия четырехлетней войны и

Принимая во внимание: Соединенные Штаты признают, что наши иммиграционные законы несправедливы по отношению к японскому народу и

Принимая во внимание: Соединенные Штаты считают, что в долгосрочной перспективе интересам как японского, так и американского народа наилучшим образом может служить установление справедливых и мирных условий, при которых Япония и ее соседи могут процветать, и

Принимая во внимание: Соединенные Штаты, в силу многочисленных обстоятельств, достаточно могущественны, чтобы уничтожить Японию, если Соединенные Штаты будут вынуждены против ее воли поднять оружие против Японии, и

Принимая во внимание, что Соединенные Штаты достаточно богаты средствами, сырьем, оборудованием и техническими навыками, чтобы создать, при необходимости, военно-морской флот и военно-воздушные силы, в десять раз превосходящие те, которые может создать Япония, и

Принимая во внимание: Соединенные Штаты так сильно желают избежать ненужного кровопролития и разрушений, что они хорошо заплатят за то, чтобы помочь экономике Японии вернуться на мирную и здоровую основу, и

Принимая во внимание: Соединенные Штаты желают помочь Китай сохранить свою независимость и достигнет мира, чтобы он мог продолжать свое политическое и экономическое развитие, к сожалению, прерванное в 1937 году, и

Принимая во внимание: Соединенные Штаты считают, что нет никаких основных препятствий для постоянных и более дружественных отношений между Соединенными Штатами и Японией, и считают, что японский народ будет приветствовать возможность восстановить мир, реконструировать японскую промышленность и торговлю, а также развивать дружественные отношения со своими соседями на основе, справедливой как для Японии, так и для других стран потребности Японии и потребности ее соседей и, наконец, что имеет самое непосредственное значение —

Принимая во внимание: Соединенные Штаты желают как можно скорее сосредоточить свои военно-морские силы в Атлантике, чтобы быть готовыми к любым чрезвычайным ситуациям против потенциального врага, с которым в настоящее время нет оснований для дружбы.

Соединенные Штаты предлагают заключить соглашение немедленное соглашение с Японией, в соответствии с которым Соединенные Штаты и Япония согласятся делать определенные вещи, а именно::

В.

Со своей стороны, правительство Соединенных Штатов предлагает сделать следующее:

Вывести основную часть американских военно-морских сил из Тихого океана.

Подписать 20-летний пакт о ненападении с Японией.

Признать Маньчжурию частью Японской империи.

Поставить Индокитай под совместное управление Великобритании, Франции, Японии и Америки. Комиссия, которая обеспечит режим наибольшего благоприятствования для этих четырех стран до окончания войны в Европе, и которая будет управлять страной, в первую очередь, в интересах индокитайского народа.

Отказаться от всех экстерриториальных прав в Китае и получить согласие Англии отказаться от своих экстерриториальных прав в Китае и уступить Гонконг возвращается в Китай.

Представить Конгрессу и протолкнуть к принятию законопроект об отмене Закона об иммиграции от 1917 года, который запрещает иммиграцию в Соединенные Штаты говорящих на японском языке и возможность въезда в США японцев и китайцы на той же основе, что и представителей другие народы.

Провести переговоры о торговом соглашении с Японией, предоставив ей (а) режим наибольшего благоприятствования и (б) такие льготы по импорту, которые могут быть взаимно удовлетворены, включая соглашение о сохранении шелка-сырца в списке беспошлинных товаров в течение 20 лет.

Предоставить кредит в размере 3 миллиардов долларов США сроком на 30 лет под 2 процента годовых, который будет привлекаться по ставке, не превышающей 200 миллионов долларов в год, за исключением случаев одобрения президентом Соединенных Штатов. Половина средств будет направлена на закупку продукции Соединенных Штатов, а оставшая часть — на закупку товаров из стран Латинской Америки.

Создать стабилизационный фонд в размере 500 миллионов долларов, половину которого предоставит Япония, а половину — Соединенные Штаты для стабилизации курса доллара к иене.

С.

Со своей стороны, правительству Японии предлагаем сделать следующее:

Вывести все военные, военно-морские и военно-воздушно-полицейские силы из Китая (границы по состоянию на 1931 год) из Индокитая и Таиланда.

Прекратить всякую поддержку – военную, политическую или экономическую – со стороны любого правительства Китая, кроме национального.

Заменить валюту иеной по согласованному курсу среди казначейств Китая, Японии, Англии и Соединенных Штатов все военные облигации, иены и марионеточные банкноты, циркулирующие в Китае.

Отказаться от всех экстерриториальных прав в Китае.

Предоставить Китаю кредит в миллиард иен под 2 процента для оказания помощи в восстановлении Китая (из расчета 100 миллионов иен в год).

Немедленно сдать в аренду правительству США на 3 года такие военно-морские суда и самолеты, какие выберут Соединенные Штаты, до 50 процентов военно-морских и военно-воздушных сил Японии. Арендная плата должна составлять 50 % от первоначальной стоимости в год.

Продавать в Соединенные Штаты до половины текущего объема производства военной техники, включая военно-морские, воздушные силы, боеприпасы и коммерческие суда, с учетом затрат плюс 20 % по выбору Соединенных Штатов.

Предоставить Соединенным Штатам и Китаю режим наибольшего благоприятствования на всей территории Японской империи.

Заключить 10-летний пакт о ненападении с Соединенные Штаты, Китай, Британская империя, Голландия Индия (и Филиппины).

D.

Поскольку Соединенные Штаты не могут допустить нынешнего неопределенного статуса между Соединенными Штатами Штаты и Япония продолжают с учетом мировой событий и считает, что сейчас необходимы решительные действия, Соединенные Штаты продлевают вышеупомянутое предложение о справедливом и мирном решении трудностей между двумя странами всего на 30 дней. Если японское правительство не заявит о своем согласии с предложенным соглашением до истечения этого срока, это может означать только то, что нынешнее японское Правительство предпочитает другие, менее мирные способы решения этих трудностей и, возможно, ожидает благоприятного момента для дальнейшего осуществления плана завоевания.

В случае, если Япония решит отклонить предложение о мирном урегулировании на указанных здесь условиях, Соединенным Штатам придется сформировать соответственно, ее собственная политика. Первым шагом в такой политике стало бы полное эмбарго на импорт из Японии».

Предложенная Уайтом экономическая помощь и требование, чтобы Япония сдала в аренду половины своих военно-морских и военно-воздушных сил Соединенным Штатам, если бы эти предложения были бы обнародованы, то спровоцировали беспорядки в Токио и восстания в Корее. Он составил проект фактического объявления войны. Но он переступил через себя. Далее в разделе III меморандума он попытался отколоть Советский Союз от пакта Молотова-Риббентропа. Несмотря на «союз» (напомню документ был написан в мае 1941 года и отражает исключительно точку зрения американцев – прим. ред.) Сталина с Гитлером и участие первого в расчленении Польши, после печально известного нападения на Финляндию (речь идет о советско-финской войне, снова это точка зрения американцев – прим. ред.), Уайт предложил Соединенным Штатам предоставить Советскому Союзу десятилетний кредит в размере 500 миллионов долларов, принять до пяти тысяч «технических работников в Соединенных Штатах в качестве студентов или экспертов в нашей промышленности» и пригласить пять-

десять советских армейских и военно-морских атташе для участия в военных мероприятиях США – учениях. Он также призвал ввести эмбарго против любой страны, находящейся в состоянии войны с Россией и хотел потребовать, чтобы Россия ввела эмбарго в отношении Германии и стран, которые немцы захватили годом ранее. Россия тогда продавала Германии – нефть, которая обеспечивала бомбардировки Лондона люфтваффе и подводные лодки, которые топили британские и нейтральные корабли.

Глава 6. Военный план «Оранжевый»

Американский план действий на случай возвышения Японии как современной военной державы был подробно описан в т. н. «Оранжевом военном плане». Впервые задуманный еще в 1897 году, после того, как Япония захватила Маньчжурский Китай в первой войне за Корею, план «Оранжевый» был существенно пересмотрен в 1919 году, после того как Япония помогла вытеснить немцев из Тихого океана и получила контроль над Марианскими островами, позже известными как Сайпан и Тиниан. План регулярно обновлялся, чтобы отразить изменения в численности и структуре американских и японских ВМС.

Военный план «Оранжевый» был одним из факторов на Вашингтонской военно-морской конференции¹⁵, где Соединенные Штаты и Великобритания объединили усилия в 1921–1922 годах, чтобы сохранить политику «открытых дверей» в свободной торговле с Китаем и ограничить численность японского военно-морского флота.

Военный план «Оранжевый» предсказывал, что война на Тихом океане будет спровоцирована нападением Японии на Соединенные Штаты, как ответная реакция на американское вмешательство в глобальные амбиции Японии. Соединенные Штаты были бы не в состоянии защитить свои территории на западе Тихого океана, а Япония не смогла бы осуществить высадку на западном побережье Соединенных Штатов.

Поскольку в Японии проживало около половины населения Америки, и было сконцентрировано меньше одной десятой промышленной мощи Америки, результат был очевиден: Соединенные Штаты оттеснят Японию назад в войне на истощение, в которой обе стороны будут наносить и нести значительные потери, пока японцы и американцы не встретятся в одном крупном морском сражении близ Японии. Японцы проиграют.

В то время порядка 100 офицеров ВМС США располагали копиями военного плана «Оранжевый», который иногда называют «Оценкой ситуации сине-оранжевый» («Синим» были Соединенные Штаты, а «оранжевым» – Япония). Военный министр и министр военно-морского флота получили и, предположительно, прочитали копии военного плана «Оранжевый» после вступления в должность. Большинство старших морских офицеров были знакомы с этим планом.

¹⁵ Вашингтонская конференция 1921–1922 – международная конференция об ограничении морских вооружений и проблемах Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. Проходила с 11 ноября 1921 года по 6 февраля 1922 года в конгресс-холле Constitution Hall, в Вашингтоне. В работе конференции приняли участие США, Великобритания, Китай, Япония, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды и Португалия, а также пять британских доминионов, хотя основные вопросы решались тройкой сильнейших морских держав США – Британская Империя – Япония. Советская Россия не получила приглашения в Вашингтон, вследствие чего заявила о своём непризнании любых решений конференции – прим. ред.

Джеймс О. Ричардсон

Один из морских офицеров, работавших над военным планом «Оранжевый» был адмирал Джеймс О. Ричардсон¹⁶. Проработав над многими его редакциями в течение 1930-х годов, Ричардсон обнаружил, что к 1939 году план, хотя и был ценен как стратегическая концепция, устарел в нескольких отношениях. Он отметил значительное увеличение числа японских авианосцев. Впервые разработанные британцами ближе к концу Первой мировой войны для

¹⁶ Будучи главнокомандующим флотом Соединенных Штатов (CinCUS), Ричардсон протестовал против передислокации тихоокеанской части флота в Перл-Харбор. Он считал, что передовая оборона не является ни практичной, ни полезной, и что Тихоокеанский флот был бы логичной первой целью в случае войны с Японией. Он был отстранен от командования в феврале 1941 года. Его опасения оказались оправданными во время нападения Японии на Перл-Харбор, всего десять месяцев спустя – прим. ред.

производства маленьких бипланов, авианосцы были все еще немногочисленны в 1919 году и во время Вашингтонской военно-морской конференции. Но к 1939 году авианосцы были жизненно важны.

Японский аналог военного плана «Оранжевый» – «Альянс трех держав и американо – японская война», был опубликованная в Японии в конце 1940 года и, как говорят, написан морским офицером по имени Мацуо Киноаки, членом ультранационалистического общества «Черный дракон». Киноаки предсказывал американское нападение на Японию, за которым последует борьба за национальное выживание с высокомерным и расистским врагом и подавляющими силами противника. Килсу Хаан, корейский разведчик, живущий в Соединенных Штатах утверждал, что украл экземпляр этой книги у самого Киноаки. В 1942 году американское издательство опубликовало эту книгу на английском языке под названием: «Как Япония планирует победить».

Японские источники предполагают, что книга на самом деле была написана японским пропагандистом, чтобы убедить общественность в том, что у Японии будет иметь шанс на заключение мира путем переговоров, если ее вынудят вступить в войну с Соединенными Штатами. Килсу Хаан выдал эту пропаганду по укреплению морального духа за инсайдерскую информацию.

Каким бы ни было ее происхождение, она четко отражает основную стратегию Японии. В книге говорится открыто заявлять, что любая попытка вторгнуться в континентальную часть США или Аляски была бы стратегически абсурдна.

Киноаки признал это благодаря опыту, полученному во время боев на Халхин-Голе, что японцы будут уступать Соединенным Штатам в танках и грузовиках. Несмотря на плохое впечатление, которое англосаксонские солдаты произвели на японцев во время Боксерского восстания 1900 года, Киноаки научился во время Первой мировой войны с большим уважением относиться к американским пехотинцам.

«Солдаты американской армии не кажутся слабаками. Вспоминая, как сражалась американская армия во времена Первой Мировая война, мы не можем сказать, что они очень хорошо воюют, но есть что-то удивительное в их превосходном боевом духе. Все бросились на немецкие позиции, как дикие кабаны, даже не думая о своей жизни. Поэтому Англия и Франция были потрясены, увидев огромное количество убитых и раненых американских солдат.

Очень трудно поверить, что солдаты из Америки, цивилизованной страны машин, могла бы быть такими храбрыми в рукопашном бою, но на этом примере мы можем сказать, что у них превосходный наступательный дух...».

Киноаки считал, что японский флот имеет качественное преимущество перед Соединенными Штатами, особенно в плане торпедной атаки, скорости перезарядки, спокойствия под огнем и морального духа. Его стратегическая цель – если Соединенные Штаты окажут давление на Японию, втянув ее в нежелательную войну – захватить Гавайи и Филиппины и заставить американцев вступить в переговоры, чтобы вернуть их с минимальными человеческими жертвами. Он вообще не видел надежды завоевать какую-либо часть североамериканского континента...

В непосредственной близости от Соединенных Штатов Япония не обладала какой-либо собственной территорией размером даже с кошачью морду. И у нее там не было линкоров. Зато Соединенные Штаты владели такими территориями, как Филиппины и Гуам, которые находятся рядом с глазами и носом Японии....

Если война затянется между Соединенными Штатами, если Япония станет более агрессивной, Соединенные Штаты решат вывести свой Атлантический флот и объединить его со своим Тихоокеанским флотом. С точки зрения Японии этот факт имел первостепенное значение. Собственно говоря, многие военные эксперты придерживались мнения, что Япония смо-

жет воевать, по крайней мере, до объединения Соединенными Штатами своих Атлантического и Тихоокеанского флота...

Глава 8. Последний отчет

Гарри Декстер Уайт, человек, которому было приказано защищать тихоокеанский фланг Сталина от нии, был в бешенстве. Таким же был и “Босс” Генри Моргентау-младший, чье отвращение к Гитлеру основывалось на более благородных соображениях, чем у Уайта. Две другие фигуры сыграли бы ключевые роли в подготовке к войне с Японией. Одним из них был Стэнли Хорнбек¹⁷, убежденный антикоммунист, поддерживавший Чан Кайши, а другим был Дин Ачесон¹⁸, юрист Госдепартамента из англо-канадская семья, которая считала интересы Америки и Великобритании не просто совместимыми, но идентичными. Рузвельт разделял англофилию Ачесона, считая, что она была смягчена необходимостью победы на переизбрании в стране, где 80 процентов избирателей были против войны.

Никто из этих людей не знал, что Уайт был советским агентом, и у них не было бы оснований подозревать его в коммунистических симпатиях. Его заявленные взгляды на экономику были умеренными, и его антипатию к Германии разделяли все по очевидным причинам. Действительно, сам Уайт, возможно, не до конца осознавал свою собственную измену. С точки зрения коммунистического мышления победа коммунистов была бы победой всего человечества и жестокое обращение Гитлера с евреями могло только усилить это восприятие в случае Уайта. Однако он был достаточно осторожен, чтобы изображать общепринятый патриотизм и елейная забота о мире с Японией и спасении Китая, как от японцев, так и от коммунистов – точно так же, как Рузвельт, Моргентау, Хорнбек и Ачесон ожидали этого от своих людей...

¹⁷ Американский профессор и дипломатом. Автор восьми книг. Проработал тридцать лет на государственной службе. Он был начальником Отдела по делам Дальнего Востока Государственного департамента (1928–1937), специальным советником государственного секретаря Корделла Халла (1937–1944) и послом в Нидерландах (1944–1947) – прим. ред.

¹⁸ В 1940 году Рузвельт назначил Ачесона на пост в Государственном департаменте, где он определял экономическую политику. Ачесон спланировал американо-британско-нидерландское нефтяное эмбарго против Японии, лишившее Японию 95 % поставок нефти и вынудившее её начать войну с США и в целом усилить участие во Второй мировой войне – прим. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.